

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

под ред. проф. *Б. Ф. Поршнева*

и доц. *Л. А. Бендриковой*

второе издание

М.: изд-во МГУ. 1949

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf) и [Век Просвещения](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf), 2010. Дореформенная орфография сохранена. **Каждая статья подготовлена отдельным файлом.** Другие материалы о европейской революции 1848–49 гг. – в нашей библиотеке и сообществе.

См., в частности:

Луи Эритье. История французской революции 1848 г. и Второй республики

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>

Революция 1848 года: сборник статей, писем и стихов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_1.pdf

А. Молок. Июньские дни 1848 года в Париже

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_4.pdf

Ф. Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830–1848 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_5.pdf

С. Сказкин, «Сорок восьмой год во Франции (февраль-июнь)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_3.pdf

Е. Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

В. Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина XIX в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В. Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В. Волгин. Этьен Кабе

http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Теодор Дезами. Кодекс общности

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфантена, Родрига)

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть

<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Г. Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Ю. Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 гг. Глава II. Ранний период французского промышленного капитализма (1789–1848 гг.)

http://enlightment2005.narod.ru/arc/labor_kucz2.pdf

Дж. Рюде. Народные низы в истории: 1730–1848

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

А. Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в перв. пол. XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология

http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf

П. Фроман. Рабочее восстание в Лионе

http://narod.ru/disk/11658254000/lyon_from.pdf.html

Хронологическая таблица по курсу "История международного рабочего и национально-освободительного движения"

http://vive-liberta.narod.ru/doc/tab_ilm.pdf

Поль Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Ю. Данилин. Французская политическая поэзия XIX в.

http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html

С. Великовский. Поэты французских революция 1789–1848 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/poets_velikovski.pdf

Л. Блан. Глава IX (Философия) из книги «История французской революции»

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lblanc_rob.pdf

М. Домманже. Бланки

http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommanje.pdf.html

М. Федорова. Классический французский либерализм

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81716006.htm>

Либерализм Запада. Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма
<http://narod.ru/disk/4366351000/librl3.doc.html>

М.Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.

Глава 4. Политические взгляды и историческая теория А.Токвиля: «Воспоминания». Токвиль о причинах революции 1848 г. во Франции. Февральская революция в освещении Токвиля. Токвиль о борьбе с революцией. Монархия или республика?

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hist_alptv.pdf

Д.Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69874420.htm>

О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX века

Глава 3. Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic3.pdf>

Глава 4. Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic4.pdf>

Глава 5. Французская революция 1848 года и освободительное движение в России

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic5.pdf>

Р.Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

http://enlightment2005.narod.ru/arc/hung_aver1-3.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hung_aver4-6.pdf

И.Майский. Испания 1808-1917: исторический очерк
Первая карлистская война и третья революция (1833—1843)

Диктатура генерала Нарваеса (1843—1854)

Экономика Испании в середине XIX века

http://enlightment2005.narod.ru/arc/espagna_mai2.pdf

История Ирландии

Глава VII. Ирландия в первой половине XIX в. (1801—1848 гг.)

Глава VIII. Аграрный переворот. Движение фениев

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/irin-all.pdf>

И.Полюхтова. История итальянской литературы XIX в. Эпоха Рисорджименто

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

На страницах сводных ссылок - подборки материалов:

Ламартин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>

Луи Блан <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lblank>

Луи-Филипп <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#louis-ph>

Гизо <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#guizot>

Карл Маркс <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#marx>
Фридрих Энгельс <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#eng>
Генрих Гейне <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#heine>

и другие...

Содержание сборника

Евгения Акимовна СТЕПАНОВА

МАРКС И ЭНГЕЛЬС В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 годов

Маркс и Энгельс в Брюсселе

Маркс и Энгельс в Париже

«Требования Коммунистической партии в Германии»

Приезд Маркса и Энгельса в Кёльн. Основание «Новой Рейнской газеты»

Политическая платформа «Новой Рейнской газеты»

Борьба «Новой Рейнской газеты» против иллюзий мелкобуржуазной демократии

Критика предательской политики немецкой буржуазии

Борьба «Новой Рейнской газеты» против национального гнета

Критика Франкфуртского и Берлинского национальных собраний. Борьба «Новой Рейнской газеты» за революционную диктатуру народа

Тактика Маркса и Энгельса по отношению к демократам. Вступление в Кёльнское демократическое общество

Маркс и Готшальк

Маркс и Стефан Борн

Алексей Леонтьевич НАРОЧНИЦКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ от ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ до ЛЕТА 1848 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революции 1848 г. и подрыв «Венской системы»

Царизм и Пруссия накануне революции 1848 года

Кризис внешней политики июльской монархии накануне революции

Внешняя политика Англии в Европе накануне Февральской революции.

Дипломатия Пальмерстона

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ во ВРЕМЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ и МАРТОВСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1848 года

Внешняя политика Временного правительства во Франции в феврале-мае 1848 г.

Европейские правительства и Февральская революция

Вторая республика и Николай I после мартовских революций в Австрии и Пруссии. Польский и шлезвиг-голштинский вопросы и европейские правительства от марта до июля 1848 г.

Ревека Абрамовна АВЕРБУХ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ в ВЕНЕ в АВГУСТЕ 1848 года

Любовь Авксентьевна БЕНДРИКОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС и РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ во ФРАНЦИИ

А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ОТ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ЛЕТА 1848 г.***

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ
ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Революции 1848 г. и подрыв «Венской системы»

Картина революции и контрреволюции 1848—1849 годов останется далеко неполной и даже неверной, если ограничиться освещением борьбы против реакции внутри отдельных стран Западной Европы и оставить в стороне внешнюю политику. Огромное влияние на события 1848—1849 годов оказало то обстоятельство, что революции вспыхнули не только против внутренней реакции, но и грозили в корне подорвать европейскую систему международных отношений, которая была установлена решениями Венского конгресса 1815 года.

Революция 1848 года во Франции поставила у власти вместо-финансовой аристократии весь класс французской буржуазии, широкие круги которой желали расширения границ Франции, что рано или поздно должно было привести к международным столкновениям. Еще очевиднее международное значение событий 1848 года в Центральной

Европе, где главной задачей итальянских и германских буржуазных революций было уничтожение феодальной раздробленности и создание объединенной Италии и объединенной Германии как сильных национальных государств. Итальянская и венгерская революции вели к распадению Австрийской империи, а поляки стремились к восстановлению независимой Польши. Очевидно, что успех этих движений означал бы полный переворот а международном положении Европы и окончательное крушение системы договоров 1815 года, как оплота феодализма и абсолютизма. Торжество революций принесло бы коренную перемену в соотношении сил европейских государств и означало бы подрыв дворянско-династической внешней политики итальянских и немецких монархий, и австрийских Габсбургов. Оно подорвало бы реакционное влияние самодержавно-крепостнического царизма на Западную Европу и оттеснило бы его на второй план в делах международной

* Настоящая статья представляет собой отрывок из работы автора «Европейская дипломатия и революция 1848 года».

политики. Такое направление революционных движений дает нам лишнее доказательство того, что революции 1848—1849 годов были крупнейшим потрясением не только в жизни отдельных наций, но событием общевропейским и всемирно-историческим, имевшим огромное влияние на международные отношения.

Центральным в международных отношениях 1848—1849 годов был вопрос о том, уцелеет ли система 1815 года или же она рухнет и совершится объединение Германии и Италии в самостоятельные государства.

Объединение Германии и объединение Италии в национальные государства, как указывали Маркс и Энгельс, могло произойти двумя путями — революционным путем «снизу», или же «сверху», т. е. под гегемонией Пруссии и Пьемонта. Последовательно революционный демократический путь объединения Германии «снизу» означал бы превращение ее в единую, нераздельную республику¹ и полное уничтожение мелких немецких государств и австро-прусского соперничества, сохранение которых долгое время было выгодно крупным соседним странам. Такой путь объединения Германии дал бы мощный толчок революционно-демократическому движению в соседних государствах.

Отсталость и раздробленность Германии со времени Вестфальского мира 1648 года и даже еще ранее служили одним из условий мощи и влияния Франции в Европе и содействовали усилению России и Англии. После установления в Англии и Франции буржуазного строя раздробленность Германии и австро-прусский антагонизм долгое время продолжали быть выгодными для английской и французской буржуазии как с точки зрения положения на Балтийском и Северном морях, так и с точки зрения безопасности французских границ. Раздробленность Германии и австро-прусское соперничество еще с XVIII века не раз содействовали влиянию Англии, Франции и России в европейских делах².

К 40-м годам XIX столетия капиталистическое развитие сделало проблему национального объединения главной задачей буржуазной революции в Германии и предпосылкой развития немецкого революционного пролетариата. В интересах рабочего класса и пролетарской революции Маркс и Энгельс призывали в 1848 году к созданию немецкой единой демократической республики. Для них было очевидно, что в случае победы революционного пути объединения Германии царизм и другие реакционные силы попытаются помешать такому исходу событий. Борьба Николая I против революционного объединения Германии «снизу»

¹ «Требования коммунистической партии Германии». К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. V, М.—Л. 1929, стр. 585.

² Но в период наполеоновских войн слабость и раздробленность Германии облегчала французской армии доступ в Россию. После Крымской войны царская Россия благоприятствовала объединению Германии под властью Пруссии в противовес Франции, Австрии и Англии.

была тесно связана с защитой реакционного самодержавно-крепостнического строя и гнета царизма над Польшей. Маркс и Энгельс в «Новой Рейнской газете» справедливо указывали, что в случае успеха революции главной задачей германской революционной демократии стала бы война с царской Россией. Если в 1848 г. до этой войны дело не дошло, то лишь потому, что революционные силы в самой Германии оказались настолько слабыми, что прусская и австрийская контрреволюция расправилась с ними самостоятельно.

Другим возможным путем объединения Германии было ее подчинение прусскому господству. Хорошо известно, что Маркс и Энгельс резко отрицательно относились к такому объединению Германии «сверху» под гегемонией Пруссии. Они указывали, что если интересам пролетариата противоречила феодальная раздробленность Германии, то «...было также недопустимо, чтобы во главе стала Пруссия: Прусское государство со всеми своими порядками, своими традициями и своей династией было как раз единственным серьезным внутренним врагом революции в Германии, и революция должна была его сокрушить... Разложение Прусского государства, развал Австрийского, действительное объединение Германии как республики, — только такой могла быть наша революционная программа на ближайшее время»¹. Маркс и Энгельс особенно отрицательно относились к реакционным попыткам Пруссии установить свое господство в Германии и не считали эти попытки прогрессивными.

Попытки объединения Германии «сверху», под гегемонией Пруссии, отнюдь не были делом революционным, но они, хотя и в меньшей степени чем революционное движение, вызывали в той или иной мере тревогу и противодействие как со стороны феодально-крепостнической России, так и со стороны буржуазных государств — Англии и Франции. Правящие классы Англии в своем большинстве опасались усиления Пруссии за счет Дании, а французская буржуазия видела для себя потенциальную угрозу в возможности поглощения Пруссией не только Дании, но и малых немецких государств. Несравненно более враждебно относились царизм, французская и английская буржуазия и правительства к революционно-демократическому пути объединения Германии. Между буржуазной Францией и Англией, с одной стороны, и феодально-дворянскими государствами — Россией и Австрией — с другой стороны существовала некоторая общность интересов в германских делах, которая не могла не повлиять на международные отношения 1848—1849 годов и не создать предпосылок для сотрудничества между дипломатией Второй Французской республики и Англии, с одной стороны, и дипломатией царской России — с другой, в особенности в вопросе об объединении Германии. К тому же

компромиссу между политикой этих держав побуждала буржуазию боязнь рабочего класса и его революционного движения.

Революции 1848—1849 годов отличались особыми чертами, которые отразились на дипломатических отношениях этих лет. Особенностью революции 1848 года во Франции и в германских государствах было то, что они совершались при наличии в этих странах гораздо более развитого рабочего класса, чем во Франции в 1789 году. В начале 1848 года Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» уже выдвинули великую идею социалистической революции и диктатуры пролетариата. Перед растущим движением рабочего класса буржуазия быстро утрачивала свою революционность.

В 1848—1849 годах революционное движение рабочего класса и демократические требования мелкой буржуазии вызвали сопротивление не только дворянско-абсолютистской, но и буржуазной контрреволюции. Французская буржуазия уже с мая 1848 года перешла в наступление на рабочий класс и потопила в крови восстание пролетариата в июне 1848 года. Либеральная буржуазия Англии отличалась консерватизмом и резкой враждебностью к рабочему и вообще ко всякому революционно-демократическому движению. Германская буржуазия трусливо искала союза и компромисса с дворянством и абсолютизмом. Следствием этих особенностей революции 1848 года было то, что в европейской дипломатии стал намечаться союз буржуазной и феодально-дворянской контрреволюции, замалчиваемый либеральной буржуазной историографией. Разоблачение контрреволюционной роли либеральной буржуазии во внешней политике в 1848 г. является важнейшей задачей настоящей статьи.

Половинчатость, непоследовательность и конечное поражение революции 1848 года привели к тому, что власть, а следовательно и внешняя политика, почти всюду оставалась либо в руках буржуазии, боявшейся напора пролетарских и революционно-демократических движений и переходившей на путь контрреволюции, либо в руках дворянских правительств с участием или без участия буржуазии. В условиях раздробленности и поражения революционного движения в 1848—1849 годах европейскую дипломатию более всего занимали задачи, связанные с контрреволюцией, но основные вопросы, с которыми имела дело официальная дипломатия, выдвинутые революционным напором «снизу», были вопросы о республике Франции, революции в Венгрии и т. д. Хотя в данной статье и не будет изложен ход массовых революционных боев и национальных движений, но будет учтено, что международные отношения 1848—1849 годов в огромной степени зависели от характера и силы выступлений народных масс против реакции и контрреволюции.

Классовая основа реакции и контрреволюции во внешней политике в различных странах была не одинакова: во Франции она

буржуазный характер. Сильнейшей опорой контрреволюции в Западной Европе была Англия с ее реакционной буржуазией и аристократией. В германских и в итальянских государствах и в России реакция и контрреволюция осуществлялись дворянством и мелкой буржуазией, предавшей дело революции. В царской России опорой реакции были крепостники-помещики. За Россией особенно укреплен была слава международного жандарма» и «жандармский мир» и «жандармский социалистический пролетариат, начиная с 1848 года, неоднократно указывали европейским рабочим и европейской демократии на царизм, как на главный оплот реакции во всем цивилизованном мире»¹.

В России тогда еще не было буржуазного и рабочего класса, способных к самостоятельному мощному революционному движению, а разрозненные и неорганизованные восстания крестьян не могли сломить силы царской бюрократии и армии². Более слабое влияние с Западной Европой развитие внутренних противоречий революционного движения в России обеспечивали царской бюрократии и армии сравнительно большую свободу рук для контрреволюционного вмешательства в дела других стран, а многочисленность войск и выгодное географическое положение особенно облегчили эту возможность по отношению к Австрийской империи. Разумеется, не значит, что революция 1848 г. не коснулась России. Кризис крепостнической системы, рост крестьянских волнений, отклики в пограничных губерниях России на революцию в Западной Европе и движение «петрашевцев» свидетельствуют о том, что Россия была одним из очагов передового революционного движения. Голос передовых русских революционно-демократов, и прежде всего Герцена, громко звучал как требование обличения феодально-абсолютистской и буржуазной реакции во всей Европе. Следует отметить, что финансовая слабость и политическое положение внутри Царства Польского действовали на польское правительство умеряющим образом и удерживали его в выжидательном положении до 1849 года, пока не возникла реальная угроза распада Австрийской империи.

В связи с национально-освободительного и объединительных движений и распада своей империи, австрийское правительство и правительства Западной Европы было накануне 1848 года более консервативным и последовательным защитником феодально-абсолютистской реакции, но оно оказалось не в состоянии справиться с венгерской революцией в 1849 году без непосредственной вооруженной помощи царизма.

Как было уже отмечено, «единственным серьезным внутренним оплотом революции в Германии»³ было Прусское государство, с его реакционным юнкерством, чиновничеством, армией и трусливо-ли-

¹ Ленин. Соч., т. XIV, стр. 112.

² «История дипломатии» под ред. В. П. Потемкина. М. 1940, т. I, стр. 30.

³ К. Маркс Избранные произведения, т. II, изд. 1941 г., стр. 26

беральной буржуазией. Особенности внешней политики Пруссии 1848—1849 годах определялись тем, что более высокое развитие капитализма, возглавляемый ею таможенный союз и выгодное географическое положение ее владений, которые как бы охватывали германские государства с Запада и Востока, давали ей надежду добиться гегемонии в Германии, тем более, что и в военном отношении прусский абсолютизм был сильнее малых немецких государств. Королевская власть в Пруссии в отличие от австрийской монархии имела возможность прикрывать свои реакционные и агрессивные цели мнимой защитой дела немецкого национального единства и лавировать, делая призрачные или крайне половинчатые уступки либеральной буржуазии, которая видела в прусском правительстве и армии главного защитника от революционной демократии, и военную силу, способную не только объединить немецкие области, но и вести решительную агрессивную внешнюю политику в отношении славянских народов и соседних государств. Подобное же положение занимало в Италии Сардинское королевство и его династия, готовая, впрочем, на более существенные либеральные уступки в пользу буржуазии, чем Пруссия. Значительные силы дворянско-абсолютистской реакции существовали в малых германских и итальянских государствах, в Испании и Португалии.

После разгрома Наполеона в 1815 г. дворянско-абсолютистские государства объединились в «Священный союз» и обнаружили солидарность интересов в деле поддержания «системы 1815 г.», но их солидарность оказалась недолговечной, а «система 1815 г.» противоречивой и непрочной. Хотя с 1815 по 1848 год карта Европы мало изменилась, но на деле внутренний кризис «системы 1815 года» был весьма глубоким, и уже накануне 1848 года она была серьезно расшатана. Франция стала буржуазной монархией. Буржуазные национальные движения, которые в 1815 году еще находились в периоде становления, стали значительной силой, выросшей на почве развития капитализма.

Важным оплотом договоров 1815 года было тесное сотрудничество и солидарность их главных участников — пяти «великих держав»: Англии, России, Австрии, Пруссии и Франции. Но на протяжении трех десятилетий, истекших с 1815 по 1848 год, их интересы все более расходились. «Четверной» союз, подписанный в ноябре 1815 года между Англией, Россией, Австрией и Пруссией с целью гарантировать невозможность возобновления во Франции бонапартистской диктатуры, просуществовал всего несколько лет. «Священный союз», подписанный осенью того же 1815 года, фактически распался в 20-х годах XIX века. Июльская революция во Франции привела к обострению отношений Франции с тремя «северными дворами» — русским, австрийским и прусским. В 1833 году было заключено соглашение трех монархов — Николая I, австрийского императора и короля прусского, но цель его была гораздо ограниченнее, чем задачи «Священного союза», и своди-

лась к гарантии польских владений трех государей и к взаимной помощи в борьбе с революциями, если о том будет просить заинтересованное правительство. Но и это соглашение оказалось недолговечным, так как в 40-х годах XIX века произошло резкое ухудшение отношений России с Пруссией¹.

Царизм и Пруссия накануне революции 1848 года

В 1848—1849 годах Николай I оказал поддержку Австрийской империи, но враждебно относился к притязаниям Пруссии на гегемонию в Германии и к юнкерско-буржуазному прусскому пути ее объединения. Между тем до 40-х годов XIX века царь являлся более благоволившим к Пруссии и находился с берлинским двором в самых интимных отношениях. Между Пруссией и Россией не возникало споров о политике на Балканах и в Турции, которые приводили к острым разногласиям и взаимному недоверию между Николаем I и князем Меттернихом. До 40-х годов XIX века прусский абсолютизм казался Николаю I незыблемым. В Пруссии в то время еще не было значительного либерального движения. Но зато положение изменилось. Как указывал Энгельс, именно с 1840 года центр буржуазно-либерального движения в Германии переместился из южно-германских государств в Пруссию. Среди прусской буржуазии усиливалось стремление к гегемонии в Германии и к объединению ее под властью Пруссии. Эти новые факторы вызывали тем большее беспокойство царя, что в 1848 году прусский король Фридрих-Вильгельм IV при всем своем отвращении к парламентскому правлению намеревался использовать идею немецкого национального единства и сделал некоторые уступки буржуазии в интересах укрепления юнкерской Пруссии и установления ее гегемонии среди немецких государств. Меттерних и царь еще до 1848 года не раз советовали королю не делать никаких либеральных уступок. В 1845 году, на свидании с Фридрихом-Вильгельмом IV в Штольценфельде, Меттерних сказал: «Королю не следует открыто высказать свое намерение, что он ни в каком случае не согласится на введение общего представительства»². Царь крайне боялся неодобрения царя в случае созыва в Пруссии объединенного ландтага и, чтобы оправдаться перед Николаем, написал к нему накануне 1846 года генерала Рауха с письмом. В письме это последовал самый суровый ответ с предостережением, что «везде огонь революции тлеет под наружным спокойствием Европы; везде революционная пропаганда делает новые завоевания, и с ужасающей скоростью увеличивается число беспорядков общественного порядка»³. В личных письмах царь давал королю советы неуклонно поддерживать все устои юнкерско-абсо-

¹ См. Записку Николая I о положении дел в Европе, составленную в январе 1848 г. (Красный Архив 1938 г., № 4—5, стр. 161).

² С. В. Император Николай I и европейские революции «Русская старина», 1891 г., апрель, стр. 40.

³ Там же, стр. 42, Мартенс, том VIII.

лютистской реакции, но финансовый кризис сделал в конце концов неизбежным созыв в Пруссии Соединенного ландтага. Шаг этот крайне озлобил Николая против Фридриха-Вильгельма IV, которого царь осыпал резкими упреками.

Оба монарха совершенно не понимали друг друга. Король тщетно пытался убедить Николая I в призрачности и действительной незначительности своих уступок либеральным требованиям. Но упрямый и непреклонный царь стоял на своем: он видел в колебаниях Фридриха-Вильгельма IV полное потрясение всех устоев «старой» Пруссии и боялся «полонофильства» прусских либералов, хотя «симпатии» немецких либералов к полякам были чистейшим лицемерием. На уверения короля в единении его с Россией царь в письме от 3/15 октября 1847 года резко ответил: «Разумеется, я полагаю заодно с Вами, что возможность спасения лежит единственно в нашем тесном единении, я имею в виду единение наших стран. Но Вы слишком хорошо знаете мою прямоту, чтобы я мог скрыть от Вас мое убеждение: этого тесного единения наших стран больше не существует! Его больше не существует, ибо наши страны не остались тем, чем они были во дни нашего общего славы, когда один и тот же принцип лежал в основе их правительств»¹.

Причина такого отношения к колебаниям прусского короля заключалась для Николая в боязни за неприкосновенность феодально-абсолютистского строя и в нежелании допустить создание сильной юнкерско-буржуазной Германии под главенством Пруссии. Царь был на стороне «старо-прусской» политики, которая ревностно охраняла трактаты 1815 г. Царь опасался, что Фридрих-Вильгельм IV сделает уступки буржуазии, поставит Пруссию во главе объединения Германии и превратит ее в сильную и опасную державу. Как было выше отмечено, царская дипломатия видела в феодальной раздробленности Германии и в соперничестве между Австрией и Пруссией в рамках договоров 1815 года необходимые предпосылки своей безопасности и условия сохранения могущественного влияния самодержавно-крепостнической России на Западной Европе. Англии, Франции и Николаю I было выгодно видеть Германию раздробленной, чтобы в ней существовала система двух противовесов, взаимно нейтрализующих друг друга и позволяющих ему играть роль арбитра в немецких делах. Объединение Германии вокруг Пруссии или расширение владений последней царь считал опасными для своей самодержавно-крепостнической империи и решил им противодействовать.

В 1848 году между Пруссией и Россией обострились и торговые отношения. Еще со времени Венского конгресса прусская буржуазия и юнкерство претендовали на то, чтобы губернии России, которые входили в состав Царства Польского, были открыты для ввоза немецких товаров беспошлинно или на особо льготных

условиях. Когда образовался Прусский таможенный союз, германская буржуазия в лице своих публицистов и экономистов заявила о том, чтобы в него были включены западные губернии России. В 1818 году Пруссия получила важные привилегии своей торговли в западных губерниях России, но вскоре это правительство стало принимать меры к ограждению этих земель от прусских товаров и к более тесному слиянию их с общим рынком. В 20-х годах XIX века были отменены некоторые таможенные льготы, а в 40-х годах русский министр финансов граф Канкрин выдвинул проект полной отмены всяких таможенных преимуществ для Пруссии в западных губерниях Российской империи. Этот проект должен был благоприятствовать развитию промышленности в Царстве Польском и сбыту ее продуктов на русском рынке, но вызвал недовольство германской буржуазии и прусского правительства¹.

Германский буржуазный экономист Лист, выступивший с защитой покровительственных пошлин для немецкой промышленности, уже в 40-х годах прошлого века старался доказать, что вся Центральная Европа, включая некоторые соседние с Германией земли, должна составить единую хозяйственную область под главенством немецкого капитала. Сочинения Листа показывают, что, еще не добившись политических прав и национального объединения и не выйдя из рабской зависимости от юнкерства и абсолютизма, немецкая буржуазия уже помышляла о подчинении себе соседних стран.

Вопрос о русских таможенных тарифах служил предметом долгих и досадных переговоров с Пруссией в 40-х годах XIX века, но соглашение не было достигнуто. В 1842 году Николай I отменил большую часть льгот для германских прусских товаров и, не имея возможности заключить с Пруссией конвенцию по взаимному снижению, односторонним актом сохранил за Пруссией лишь некоторые второстепенные преимущества. В 1850 году предполагалось на всей западной границе империи ввести единый таможенный тариф, а внутри России снять таможенную черту между внутренними областями и теми, которые ранее входили в Царство Польское. Это намерение еще больше обострило недовольство германской буржуазии политикой царизма. Прусская буржуазия была далека от неистовства и злобы по поводу поддержки царем раздробленности Германии и таможенной политики России. Немецкие либеральные публицисты изображали Россию единственным источником всех бед и единственным оплотом реакции в Европе, но о юнкерско-абсолютистской реакции в самой Пруссии они предпочитали писать поменьше и выражались о ней с величайшей осторожностью в отличие от Маркса и Энгельса, беспощадно бичевавших не только царизм, но и реакционное прусса-
чество.

¹ Савин А. Н. Николай I и Фридрих Вильгельм IV, 1840—1848 гг. I Сб «Россия и Запад», Петроград 1923, стр 125—126.

Многие немецкие либералы и радикалы мечтали о создании федеративной Германии со включением в нее соседних земель или о таком расширении таможенного союза, чтобы он охватил не только немецкие области, но и Эльзас, Лотарингию, Швейцарию, Люксембург, Лимбург, Бельгию¹, Голландию, Шлезвиг, Чехию и прибалтийские губернии России². Уничтожение мощного препятствия на пути создания в центре Европы могущественной и огромной немецкой державы, было основной частью этих планов и надежд. Важнейшим средством для достижения этой цели либералы и радикалы считали сближение с западными державами и с польскими эмигрантами с целью «восстановления Польши, простирающейся до Днепра и на словах «независимой» а на деле являющейся вассалом буржуазной Германии и служащей для нее оплотом против России³. Получит ли при этом Польша прусскую Познань и Данциг, как думал Гервинус или же уступит их Германии в благодарность за ее помощь в расширении своих границ на востоке Европы за счет западных губерний России, — вопрос этот оставался открытым и порождал различные мнения. Несомненно лишь то, что многие немецкие либералы и радикалы желали использовать в своих целях польское движение и направить его против России. Сторонники этих взглядов находились главным образом в Южной и Западной Германии, вдалеке от польских земель. Крупный аахенский купец и умеренно-либеральный политический деятель Давид Ганзема, доктор Вирт из Пфальца, Гервинус и другие были представителями этого образа мыслей. Но чем ближе к востоку Германии, к Силезии, Познани, Пюмерании и Восточной Пруссии, тем слабее были «симпатии» к полякам и тем более выступала ненависть к польскому движению, связанная с заинтересованностью прусского Junkerства в обладании исконными польскими землями⁴. Правительственные круги Пруссии, Junkерство, чиновничество и армия были открытыми врагами поляков. Они были далеки от желания использовать польское движение в целях объединения Германии, которое временно охватило немецких либералов и вызывало в Петербурге такую острую тревогу, что русский посланник в Берлине Мейендорф обращал внимание прусского правительства на каждую выходку поляков в Берлине.

Двор, армия, чиновничество и Junkерство Пруссии стояли за сближение с царской Россией и относились к полякам с резкой враждебностью, тогда как немецкие либералы и радикалы держа-

лись «западной ориентации» и верили в скорое осуществление союза объединенной Германии с Францией, Англией, освобожденной Италией и Венгрией. Распадение Австрийской империи и союз с Венгрией против славян были составной частью этих внешнеполитических стремлений немецких либералов и радикалов, которые совершенно не понимали всей непримиримости интересов немецкой, французской и английской буржуазии. Примером этого рода иллюзий был радикал Руге, который в 1848 году проявил, по словам Маркса, «идеологическую наивность думать, что нации, которым общи некоторые политические представления, уже по одному этому должны вступать в союз»¹. Как будет восстановлена Польша и достигнут союз Германии с западными державами — мирным путем или в результате войны с Россией, — по этому вопросу также не было единства мнений.

Прусский двор, министры и советники короля были враждебны либерализму. Они ограничивались лишь скромными попытками провести реформу Германского Союза с целью увеличить в нем влияние Пруссии и усилить его военное значение, но так, чтобы сохранить мир и с Россией и с Австрией. Один из ближайших друзей и советников Фридриха-Вильгельма IV генерал фон-Радовиц еще с 1840 года мечтал о расширении и укреплении Германского Союза с включением в него Эльзаса, Лотарингии, Нидерландов, создания для него сильной союзной военной организации и единого уголовного и гражданского правопорядка. Подъем либеральной оппозиции и революционного движения вынудил Фридриха-Вильгельма IV сделать попытку осуществить реорганизацию Германского Союза. Радовиц в ноябре 1847 года был послан в Вену для переговоров с Меттернихом, но швейцарские дела отвлекли внимание обоих правительств, а Меттерних встретил проекты Радовица с большим неудовольствием², усмотрев в них попытку подорвать австрийскую гегемонию в Германии.

Можно сказать, что к 1848 году единение трех монархов: прусского короля, царя и австрийского императора — было серьезно поколеблено. В Вене и Петербурге росли недоверие и подозрительность по отношению к Пруссии. Для противодействия объединению Германии под главенством Пруссии и с точки зрения защиты самодержавно-крепостнического строя Николай все теснее сближался с Австрией, видя в ней противовес либеральным и национально-объединительным стремлениям германской буржуазии. По составу своего населения и по своему географическому положению Австрийская империя не могла претендовать на положение главы единой Германии, и австрийское правительство желало сохранения ее раздробленности. В этом смысле правящие классы

¹ Guichen. Les grandes questions européennes et la diplomatie des puissances sous la Seconde Republique française. Paris. 1925. I, p. 10.

² Гервинус в «Deutsche Zeitung», № 86 от 26 марта 1848 г. призывал к восстановлению Польши с тем, чтобы Германия получила русскую Прибалтику. Hallgarten W. Studien über die deutsche Polenfreundschaft in der Periode der Märzrevolution. München und Berlin 1928. Ss. 77—78.

³ См. ниже о познанском восстании.

⁴ Hallgarten, op. cit., ss. 10—12.

¹ К. Маркс. Прения по польскому вопросу во Франкфурте. Соч., М.—Л., 1930, т. VI, стр. 413.

² Meinecke F. Radowitz und die deutsche Revolution, Berlin, 1913, 50—51.

Австрия вела «самую консервативную политику, необходимо вытекающую из положения и состава австрийского государства, положения чисто австрийского, ибо национальной ее назвать нельзя»¹. Что же касается национально-освободительных движений австрийских славян, то царизм относился к ним враждебно и стоял за полное сохранение над этими славянами власти и гнета Габсбургов. В особенности опасался царь нового подъема освободительного движения поляков. Николай I оказал полную поддержку Австрии в деле ликвидации Краковской республики и подавления в ней восстания 1846 года. Восстание было разгромлено австрийскими войсками, и австрийское правительство настаивало на присоединении Кракова к своим владениям. Царь велел объявить Венскому двору, что «Австрия может положиться на силы России, подобно тому как государь император желал бы рассчитывать на силы Австрии»². Идея присоединения Кракова к Австрии была крайне недоброжелательно встречена в Берлине и вызвала сильный испуг короля и его министра иностранных дел Каница³. Во избежание обострения отношений с Россией и в интересах борьбы с польским движением Прусский двор в конце концов присоединился к этому решению, но все же не рассеял подозрений и недоверия, которые возбуждала в Петербурге и Вене прусская политика.

Кризис внешней политики июльской монархии накануне революции

Накануне Февральской революции внешняя политика кабинета Гизо была всецело обусловлена положением той финансовой аристократии, которая во главе с Луи-Филиппом правила Францией. Финансовая аристократия всеми силами противилась расширению избирательного права и другим реформам внутри страны и нуждалась в мире для своих финансовых операций и борьбы с политической оппозицией. Острая борьба с оппозицией сковала действия кабинета Гизо в области внешней политики и придала этой политике ярко выраженное клерикальное и реакционное направление. Принцип верховенства нации и невмешательства во внутренние дела других народов, который в 1789—1794 годах был направлен против контрреволюционной интервенции, Гизо использовал только для того, чтобы оправдать свою полную пассивность и отказ от какой бы то ни было помощи либеральным и революционным движениям. Мир и, следовательно, полное примирение с договорами 1815 года, которые лишили Францию ее завоеваний, сделанных на левом берегу Рейна, был одной из основ внешней политики июльской монархии — этого «царства банкиров». «Rien pour la

¹ Соловьев С. М. Россия, Австрия и Англия во время движения 1848—1849 гг. «Русск. старина», 1877 г., том XX, стр. 407—426.

² С. 3 Император Николай I и Февральская революция. «Русск. старина», 1904 г., апрель, стр. 47.

³ Мартенс. Том VIII. Спб. 1888, стр. 369—370.

gloire! (Ни гроша для славы!). Слава не приносит никакой прибыли. La paix partout et toujours! (Мир во что бы то ни стало!). Война понижает курс трех- и четырехпроцентных бумаг!» — в таких словах Маркс характеризовал «миролюбие» Гизо и Луи-Филиппа.

Накануне Февральской революции внешняя политика июльской монархии имела успех только в Испании и в деле завоевания Алжира, которое в основном завершилось в 1847 году взятием Константины и уничтожением арабского государства Абд-эль-Кадера. В Испании Луи-Филипп стремился утвердить свое влияние при помощи крайних консерваторов и притом чисто средневековым способом — династическими браками. Он повел сложную интригу против выдвинутых британской дипломатией претендентов на руку юной королевы Изабеллы и инфанты Луизы. В 1846 году французская дипломатия добилась одновременного заключения брака Изабеллы с герцогом Кадикским, от которого, по его щедрости и хилости, нельзя было ждать потомства, и брака инфанты Луизы с младшим сыном Луи-Филиппа герцогом Монпансье.

От обреченной на бездетность королевы Изабеллы испанский престол должен был перейти к инфанте Луизе и к ее детям от герцога Монпансье. Луи-Филипп рассчитывал, что таким путем его потомки приобретут право на испанский престол и будут проводить в Испании французскую политику.

Подстроенные Луи-Филиппом и Гизо «испанские браки» вызвали взрыв негодования и бешенства в правящих кругах Англии. В Лондоне считали, что эти браки ставят под угрозу английское влияние в Испании и нарушают Утрехтский договор 1713 года, завершивший войну за испанское наследство и запрещающий соединение Франции и Испании под одной короной. «Испанские браки» вконец подорвали англо-французское «сердечное соглашение» (entente cordiale), еще ранее расшатанное недовольством английской буржуазии значительными пошлинами на ввоз во Францию английских товаров и колониальной политикой июльской монархии. Накануне 1848 года распалась та самая англо-французская «антанта», которая с 1830 года с недолгими перерывами противостояла трем «северным дворам», т. е. Австрии, России и Пруссии. Результатом ее распада была изоляция Франции, которая еще более усилила старания Гизо скрепить свои связи с Австрией.

Сближение с Австрией вполне отвечало реакционному курсу политики Гизо. 18 мая 1847 года он писал Меттерниху, что Франция с Австрией проводят отныне охранительную политику и что «в этом заключается наш союз». В Австрии Гизо видел также полезный противовес прусским стремлениям к гегемонии в Германии. Он писал в Вену о том, что две опасные идеи Пруссии — «немецкое единство и либеральный дух» — могут послужить ей средством лишить независимости малые германские государства. Следует при

¹ К Маркс. Классовая борьба во Франции. Избранные произведения, т. II, 1933 г., стр. 156.

этом вспомнить, что поддержка малых государств Южной и Западной Германии была традицией французской внешней политики, которая всегда видела в них оплот своего влияния¹ в Центральной Европе.

Разрыв «сердечного согласия» с Англией и сближение с Австрией завели политику Гизо в тупик: они не могли принести французской буржуазии никаких дальнейших выгод, так как изоляция Франции ослабила ее международное влияние, а Австрия была ее соперницей в Италии. Старания Гизо угодить Австрии явно обнаружились, когда в 1846 году австрийские войска разгромили польское восстание, вспыхнувшее в Краковской республике, и с согласия России и Пруссии Австрия присоединила Краков к своим владениям. Чтобы спасти свое лицо перед оппозицией, которая выражала сочувствие полякам, Гизо вынужден был сложить протестовать против лишения Кракова независимости, но сказал австрийскому послу, что французское правительство «не даст увлечь себя порывами общественного мнения» и не сделает никаких серьезных затруднений из-за краковского вопроса. В начале декабря 1846 года Гизо самолично прочел русскому поверенному в делах Киселеву ноту протеста против мероприятий трех северных держав. Но французский «протест» был изложен в столь любезных выражениях, что как Киселев, так и государственный канцлер Нессельроде по прочтении его поспешили выразить Гизо свои «чувства удовольствия и благодарности»².

В итальянских государствах французская дипломатия стала действовать заодно с австрийской. Когда папа Пий IX задумал провести умеренно-либеральные реформы, Гизо через французского представителя в Риме России выразил свои опасения относительно преждевременности этих планов. России всячески старался удерживать папу от проведения реформ и запугивал его возможностью революции³. В августе 1847 года австрийцы начали репрессии против папы и заняли Феррару, выгнав из этого города папский гарнизон. Пий IX протестовал, но Гизо остался глух и нем, а России заявил, что «Франция вовсе не капрал к услугам Италии»⁴. Было очевидно, что прислужничество Гизо перед австрийской реакцией грозило полным падением французского влияния в Италии. Пресмыкательство Гизо перед Австрией дошло до того, что французский посланник в Турине принял участие в протестах против печатания в Генуе песен, в которых говорилось об австрийцах оскорбительно⁵.

Гизо готов был отступать от принципа «невмешательства» только ради поддержки реакции в других странах. В Португалии Гизо оказывал помощь реакционному правительству королевы Марии. В апреле 1846 года в Португалии началось затяжное восстание против министерства Кабрала. Луи-Филипп и Гизо стали бояться, что победа восстания даст опасный пример Испании и пошатнет там положение расположенных к Франции реакционных министров. Гизо нисколько не смущался тем обстоятельством, что португальское правительство, которому он решил оказать поддержку, находилось под английским влиянием. В 1847 году Гизо и Луи-Филипп решились на контрреволюционное вмешательство в португальские дела совместно с Англией. В мае — июне 1847 года условия интервенции были согласованы с лондонским кабинетом, чем Гизо хотел смягчить озлобление, вызванное в Англии «испанскими браками». Главную роль взяло на себя британское правительство. При дипломатической поддержке Франции, английская эскадра вынудила повстанческую хунту в Оporto прекратить сопротивление¹.

Реальные выгоды от этого вмешательства получил только Пальмерстон, лишний раз убедивший португальцев в мощи английского флота, но Гизо достались только нападки со стороны либеральной оппозиции. Не сбылись и надежды Гизо на то, что подавление португальского восстания укрепит влияние крайних реакционеров и в Испании. Вскоре в Испании было отстранено от власти то реакционное правительство, которое содействовало «испанским бракам». В октябре 1847 года на пост главы испанского правительства был возвращен враг французского влияния генерал Нарваэс, который начал вести независимую от Франции политику.

Если в Португалии Гизо оказался жалким приспешником Пальмерстона, то в Швейцарии он готов был помогать реакции в угоду Меттерниху, французским клерикалам и папскому престолу. Летом 1847 года европейские кабинеты были озабочены приготовлениями к гражданской войне в Швейцарии, производимыми «Зондербундом», или сепаратным союзом семи реакционных католических кантонов, и федеральным правительством, которое держалось радикального направления и опиралось на передовые кантоны. В июле 1847 года федеральное правительство потребовало роспуска «Зондербунда» и изгнания иезуитов. Но Меттерних предложил державам вооруженное вмешательство в швейцарские дела для поддержания реакции в Швейцарии, которую он считал опасным пристанищем революционной эмиграции. Посредством произвольных толкований договоров 1815 года Меттерних пытался обосновать «право» держав на вмешательство: он утверждал, что установленная в 1815 году международная гарантия нейтралитета

¹ Charléty, S. La monarchie de Juillet В книге: «Contemporaines», P. 1921, т. V, p. 368 (под ред. E. Lavisse).

² Мартенс, том XV, Спб. 1909, стр. 221.

³ Инструкции, посланные России и переписка с ним Гизо см. у Guizot М. Mémoires 1867, т. VIII, ch. XLVI, стр. 382—415.

⁴ S. Charléty. Op. cit., p. 372.

⁵ Этот поступок посланника вызвал негодующее изумление Герцена тогда бывшего за границей. Герцен А. И. Письма из Франции и Италии. «С того берега» М—Л, Соцэкгиз, 1931 г., стр. 129.

¹ D'Haussonville, M. Histoire de la politique extérieure du gouvernement français. 1830—1848. T. II, Paris 1850, p. 281—285.

Швейцарии будто бы неразрывно связана с неприкосновенностью конституции Швейцарского союза и с полным сохранением суверенитета отдельных кантонов, который радикалы намеревались ограничить в пользу федеральной власти.

При полном одобрении царя и Пруссии Меттерних предложил военные меры по наблюдению за швейцарской границей. Император Фердинанд предоставил «Зондербунду» секретную субсидию в 250 тысяч франков для создания общей военной кассы семи кантонов. Австрийские арсеналы снабжали их ружьями, пушками и амундией. «Зондербунду» были направлены австрийские военные инструкторы, а когда начались военные действия, австрийские войска были стянуты к границам Швейцарии¹. Носились слухи о том, что правительство Гизо втайне снабжало «Зондербунд» ружьями и пушками.

Но открытое военное выступление Гизо отклонил из боязни нападок оппозиции и чрезмерного усиления австрийского влияния на кантоны. В случае вмешательства одной Австрии Гизо хотел оказать «Зондербунду» дипломатическую поддержку, но он плохо знал положение дел в Швейцарии и не понимал того, что, несмотря на присылку австрийских денег и оружия, «Зондербунд» был слишком слаб по сравнению с федеральным правительством. Не ожидая быстрого разгрома «Зондербунда»², Гизо отклонил план действий Меттерниха и выдвинул проект дипломатического вмешательства, которое он надеялся возглавить сам, чтобы поднять французский престиж в Швейцарии. Гизо хотел предложить воюющим сторонам перемирие и передачу религиозных вопросов на арбитраж папы. По делам политическим он настаивал на посредничестве пяти великих держав.

Но в дело вмешался Пальмерстон: с целью создать новые проволочки и сорвать вмешательство, он предложил свой проект посредничества между воюющими странами и созыва в Лондоне конференции держав с участием представителей федерального правительства и «Зондербунда». Пальмерстон настаивал на удалении иезуитов взамен за обязательство со стороны федерального правительства не нападать на католические кантоны. Втайне Пальмерстон передал главе федерального правительства Оксенбейну совет разгромить «Зондербунд» ранее чем состоится вмешательство держав. 23 ноября 1847 года в сражении с федеральными войсками у Гислика отряды «Зондербунда» были разбиты. Каниц сказал, что Пальмерстон «разыграл» Гизо («avait joué Guizot»)³. План Гизо полностью провалился, но Гизо успел еще раз скомпрометировать себя в глазах оппозиции своей готов-

ностью сотрудничать с Меттернихом для защиты иезуитов и реакции в Швейцарии.

Острая и едкая оценка внешней политики Гизо была дана Герценом: «Все влияние на Европу,—писал Герцен,—было утрачено из-за мелких династических интересов; все симпатии народа были пожертвованы для того, чтобы простили испанские браки¹. Франция не могла держаться даже на той высоте, на которой была за десять лет,—она сделалась второстепенным государством. Правительства перестали ее бояться, народы начинали ненавидеть. Узкая, эгоистическая и буржуазная политика, ставившая мир выше всего и невозможную теорию de la nonintervention ключом свода, не мешали Гизо запятнать Францию явным вмешательством в дела Португалии и тайным — в дела Швейцарии. В обоих случаях Франция играла ту самую роль, которую реставрация, столько проклинаемая, принимала на себя в 1822 году относительно Испании, — роль военной экзекуции, полицейского усмирения. Португалия была задавлена из учтивости к королеве Виктории Пальмерстоном и из учтивости к Пальмерстону — Францией. Оксенбейн отвечал резкой нотой на вмешательство французского посланника и велел выставить на площади в Люцерне пушки французской артиллерии, потихоньку присланные Зондербунду»².

Министерство Гизо ревностно преследовало иностранных революционеров-эмигрантов. Было выслано множество лиц, в том числе и Бакунин, и начались притеснения польской эмиграции. Улучшение отношений с Петербургским двором в 1847 году выразилось в возведении царского поверенного в делах в Париже графа Киселева в ранг посланника. Накануне Февральской революции Маркс писал в «Манифесте Коммунистической партии»: «...папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские» — все эти силы старой Европы объединились для травли коммунизма.

Республиканская оппозиция во Франции подвергала резкой критике не только внутреннюю, но и внешнюю политику Гизо и двигала свои внешнеполитические требования. При этом «трехлетние» республиканцы «National'a» и «социальные» республиканцы, группировавшиеся вокруг газеты «Reforme», резко расходились между собою.

В начале 1848 года Ламартин выступил в палате по поводу речи короля и «покрыл позором» внешнюю политику Гизо. Француз,—сказал Ламартин,—вопреки своему характеру, вопреки вековой политике и своим традициям делалась папской в Риме, клерикальной в Берне, австрийской в Пьемонте, французской в Париже, но не была никогда, контрреволюционной — везде»³. Политика

¹ Guichen. Les grandes questions européennes sous la Seconde République française. T. I, p. 3—10.

² Guizot. T. VIII. P. 1867, p. 517.

³ Op. cit., стр. 10—20.

¹ Т. е. чтобы задобрить Австрию и Англию.

² Герцен А. И. Ук. соч., 128—129.

³ Выступление это произвело сильное впечатление на Герцена. См. Герцен А. И. Письма из Франции и Италии. «С того берега». М.—Л. Соцэкгиз, 1931, стр. 136.

Гизо вызвала осуждение со стороны республиканцев как политика реакционная и династическая. Буржуазные республиканцы считали, что Гизо запятнал себя рабским подчинением «системе 1815 года», в которой французская буржуазия находила главное препятствие для осуществления своих мечтаний о возрождении французской гегемонии в Европе. В противовес политике Гизо республиканцы выдвигали «национальную» политику, которая отвечала бы интересам класса буржуазии в целом.

Маркс указывал, что республиканская оппозиция во Франции — «это был кружок из буржуа, писателей, адвокатов, офицеров и чиновников республиканского образа мыслей, влияние которых опиралось на антипатию страны к личности Луи-Филиппа, на воспоминания о первой республике, на республиканскую веру известного количества мечтателей, а главное — на французский национализм, ненависти которого к венским договорам и к союзу с Англией он никогда не давал остыть. Этим скрытым империализмом объясняется значительная доля влияния, которым «Националь» пользовался в царствование Луи-Филиппа и который впоследствии, при республике, мог выступить в лице Луи-Бонапарта как всемогущий соперник»¹. Газета «Националь» заслужила симпатии промышленной буржуазии защитой покровительственных таможенных тарифов и активной, энергичной внешней политики, направленной против Австрии и Италии и против венских договоров.

Эти настроения республиканской оппозиции и преклонение значительной части французской буржуазии перед внешней политикой Первой империи были известны европейским правительствам и вызывали у них боязнь того, что свержение министерства Гизо и победа оппозиции послужат отправной точкой для перехода Франции к открытому выступлению против договоров 1815 года ради завоеваний и вооруженной помощи революционным движениям в других странах. Но на деле бескорыстная помощь иностранным революционерам вовсе не входила в расчеты буржуазных «трехцветных» республиканцев.

Страстное и проникнутое пылкой революционной романтикой желание оказать вооруженную помощь освободительным движениям в Польше, Италии и Германии было присуще главным образом мелкобуржуазным демократам — «якобинцам 1848 года» и сторонникам «социальной республики», которые группировались во круг газеты «Реформа» во главе с Ледрю-Ролленом. Они клеймили позором принцип «невмешательства» в дела других народов, в его реакционном применении в политике Гизо. Демократическая и социальная республика во Франции должна была, по их мнению, стать защитницей всех революционных движений в Европе и взаимно найти себе опору и гарантию безопасности в их успехе. Того же взгляда держались Бланки и Барбес, но самое крайнее выра-

жение этой точки зрения придавали иностранные революционеры-эмигранты. Незирая на ограниченность сил и на своекорыстие французской буржуазии, они питали надежду использовать Францию как орудие освобождения своих отечеств — Польши, Савойи, итальянских и немецких государств.

Внешняя политика Англии в Европе накануне Февральской революции. Дипломатия Пальмерстона

Во время революций 1848 года во главе британской внешней политики стоял министр иностранных дел в кабинете Джона Росселя — лорд Пальмерстон, крупнейший английский дипломат середины XIX века. Он был выходцем из старинного аристократического рода, владевшего крупными поместьями в Ирландии. Аристократ по происхождению, Пальмерстон стал слугою британского капитализма XIX века. Он был учеником и продолжателем Каннинга и типичным представителем внешней политики воинствующей британской буржуазии в пору расцвета ее морского владычества и ее морской, промышленной и колониальной монополии.

Сначала Пальмерстон принадлежал к партии тори, но затем примкнул к вигам, понимая, что интересы британской промышленности и торговли не могут не стать основой британской политики. Личные черты Пальмерстона делали его как нельзя более подходящим для роли вождя быстро растущей, алчной и агрессивной буржуазии Англии, символом веры которой были свобода торговли, прогресс промышленности и неограниченное господство на море и в колониях. Его ненавистными врагами были те дипломаты и политики, которых ему не удавалось провести, и он совершенно искренне считал их отъявленными негодяями. В политике Пальмерстон был беззастенчивым карьеристом, способным на любое вероломство, не стеснявшимся в средствах. Но в качестве основы своей политики Пальмерстон признавал только выгоды британской буржуазии. Он обладал громадной трудоспособностью, ясным умом, энергией и обширной памятью. Его знали как опасного и неутомимого полемиста и оратора и, когда Пальмерстон начинал в парламенте свою речь, его противники приходили в бешенство, бичуемые его нападками и язвительной иронией. Пальмерстон прослыл мастером дипломатической и парламентской интриги, и умел искусно играть на чувстве высокомерия и национальной гордости британцев. Грубый утилитаризм и самые прозаические коммерческие расчеты он прикрывал либеральными идеями и фразеологией. Это не мешало ему быть защитником самой кровавой колониальной политики в Китае и в Индии и экспансии британского капитала на Среднем и Ближнем Востоке.

Политические воззрения вигов и Пальмерстона отличались типичным для британской буржуазии сочетанием политического либерализма с социальным консерватизмом и враждебностью к демо-

¹ К. Маркс. 18-е брюмера Луи-Бонапарта Избранные произведения, т. II, М. 1933 г., стр. 254—255.

кратии и к революционному движению. Пальмерстон полагал, что после парламентской реформы 1832 года британская конституция стала верхом совершенства. Он говорил, что даже сам бог не мог бы придумать лучшего политического устройства, чем эта конституция, и был противником дальнейших внутренних реформ. Все его внимание привлекала внешняя политика. В этой области Пальмерстон разыгрывал роль противника традиций «Священного союза», но на деле не раз отступал от своего показного либерализма и был одним из злейших врагов революционно-демократических движений.

Современники по-разному оценивали политику Пальмерстона. Его либерализм был чужд и враждебен придворным кругам. В глазах королевы и придворных он был почти революционером. С королевой Викторией и в особенности с ее супругом Альбертом Пальмерстон почти не считался. Дерзко и вызываясь он подчеркивал независимость британского кабинета от короны в делах внешней политики. Если тори и двор смотрели на Пальмерстона как чуть ли не на «красного», то виги находили в нем истинного глашатая интересов британского капитализма.

Основоположники марксизма считали Пальмерстона лицемерным реакционером, ловко скрывающимся под личиной либерализма. Маркс беспощадно разоблачил лицемерие и лживость Пальмерстона и его сотрудничество с реакцией. «Будучи торием по происхождению, — писал Маркс о Пальмерстоне, — он все же сумел внести в управление иностранными делами весь тот клубок лжи, который составляет квинтэссенцию вигизма... Он прекрасно умеет соединять демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями. умеет хорошо скрывать торгашескую мирную политику буржуазии за гордым языком аристократического англичанина старых времен»¹.

Британский либерализм покоился на угнетении трехсот миллионов населения Индии и других колоний и на угнетении Ирландии. В Азии Пальмерстон проводил политику агрессии, а в Европе поддерживал гнет турок над народами Балканского полуострова. В Западной Европе он стоял за целостность Австрийской империи и за сохранение ее гнета над итальянцами (в Венеции), над венграми и над славянами. Турция и Австрия были главными оплотами английской политики на Ближнем Востоке.

Ни в 1831, ни в 1846 году Пальмерстон не оказал реальной поддержки польскому движению. Желая угодить Австрии, английское правительство воздержалось от каких бы то ни было резких заявлений по поводу присоединения к ней Кракова, что весьма обрадовало Нессельроде². В Португалии Пальмерстон помогал реакцион-

ному правительству королевы Марии, потому что супруг королевы происходил из Саксен-Кобургского дома, тесно связанного узами родства с английским двором. Пальмерстон надеялся использовать эти династические отношения для поддержания английского влияния в Португалии. В этом случае он готов был угодить королеве Виктории, которая настаивала на интервенции. Помимо того, Пальмерстон боялся, что в защиту португальской реакции выступят Испания и Франция, и в этом случае Англия останется на заднем плане и потеряет свой престиж на Пиренейском полуострове¹. Вражда Пальмерстона к царскому правительству проявлялась только в его восточной политике, но он никогда не мешал тому же царизму подавлять революционные движения. Маркс писал о Пальмерстоне: «Притеснители всегда могли рассчитывать на его помощь, притесненных же он щедро одаривал своим ораторским великодушием. Он всегда был готов к услугам, когда дело шло об угнетении поляков, итальянцев, венгров, немцев, и все-таки их притеснители подозревали его в тайных сношениях с жертвами, которых они зарезали с его разрешения»². Даже в тех случаях, когда Пальмерстон в 1847—1848 годах давал другим правительствам советы провести либеральные реформы, он делал это из боязни того, что слишком упорная консервативная политика может вызвать революцию и создать угрозу общеевропейской войны и революции. Другим мотивом, по которому Пальмерстон желал установления умеренно либерального порядка в некоторых германских и итальянских государствах и в Испании, заключалась в том, что либеральные реформы могли бы содействовать в этих странах развитию английской торговли и политических симпатий к Англии.

В ходе событий 1848—1850 годов Пальмерстон желал помешать победе революционно-демократических движений и хотел избежать всеобщей войны в Европе, которая могла принести невыгодные для Англии последствия. Пальмерстон боялся подъема революционного движения в Ирландии и чартистского движения в Англии в случае победы в Европе революционной демократии или всеобщей войны.

У Англии не было союзников на материке Европы, и для войны она располагала только своими денежными ресурсами и флотом. Когда «испанские браки» до крайности обострили отношения с Францией, изоляция стала особенно ощутимой и в числе других причин побуждала Пальмерстона желать мира. В 1848 году сохранение договоров 1815 года было еще выгодно британской буржуазии. «Система 1815 года» исключала возможность опасного для Англии господства на материке какой-либо одной державы и предоставляла ей возможность оказывать значительное влияние на европейские дела путем вмешательства в борьбу России, Австрии,

¹ К. Маркс Лорд Пальмерстон. Соч., т. IX, М. 1932, стр. 489.

² Нессельроде—Мейендорфу. 5 января 1847 г. Nesselrode Ch., Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760—1856. T. IX, p. 5.

¹ К. Маркс. Лорд Пальмерстон. Соч., т. IX, М. 1933, стр. 488—489.

² Греер, D. M. L'Angleterre, la France et la Révolution de 1848. P. 1925, p. 82, 120.

Франции и Пруссии. Мир и сохранение status quo в Европе был выгоден для британской торговли и позволял Англии сосредоточить все свои силы на развитии своей промышленности и торговли, на колониальных завоеваниях в Азии. В 1848 году Англия использовала свои деньги, флот и дипломатию для того, чтобы помешать успеху революционно-демократических движений, сохранить мир и свести к минимуму перемены в европейском международном положении. В этом смысле буржуазная Англия оказалась, наряду с царской Россией, одним из оплотов европейской контрреволюции. В конце 1848 года Маркс писал, что «Англия кажется скалою, которую разбиваются революционные волны»¹.

Главными противниками Англии были Россия и Франция. В итальянских государствах, в Швейцарии и в Испании Пальмерстон всячески противился французскому влиянию. Защита неприкосновенности и нейтралитета Бельгии и Швейцарии от посягательств реакции была одной из основ его политики. Пальмерстон старался не допускать вооруженного вмешательства Франции в итальянские дела. Усиление Сардинского королевства на севере Италии, как барьера между Францией и Австрией, укрепление Пруссии в Германии, как противовеса Франции и России, но при условии целостности Дании и сохранения status quo на Балтийском море—таковы были те немногие существенные изменения в системе 1815 года, которые Пальмерстон находил в 1848—1850 годах допустимыми и желательными в интересах традиционной британской политики «европейского равновесия».

Пальмерстон не впадал в панику перед революционными событиями и смотрел на них с холодным расчетом. Потрясение престолов европейских монархов, которое так пугало королеву Викторию, ничуть не смущало Пальмерстона, если только оно не приносило вреда выгодно для Англии «политическому равновесию» в Европе. Задача Пальмерстона и правящих кругов Великобритании заключалась в том, чтобы раздавить чартистское революционное движение и использовать колониальную и промышленную монополию английской буржуазии для получения колоссальных сверхприбылей и сглаживания внутренних противоречий при помощи частичных уступок и компромиссов. Пальмерстон старался в других странах поощрять этот типичный для правящих классов Англии прием предотвращения революций посредством умеренных реформ, но только в тех случаях, когда осуществление их было выгодно и английской буржуазии. Проводя беспощадную политику в Ирландии, в Индии и в других владениях Великобритании, Пальмерстон в особенности щеголял своим «либерализмом» в делах Италии, хотя действительная роль там британской дипломатии заключалась в 1848 г в предотвращении французского вмешательства и в поощрении разгрома революционно-демократических движений.

Еще в 1847 году Пальмерстон с большим сочувствием отнесся к намерению Пия IX провести умеренные либеральные реформы в папской области и видел в этих реформах самое лучшее средство предотвратить революционный взрыв в Италии. Пальмерстон особенно боялся того, что французская либеральная оппозиция может свергнуть министерство Гизо, поддержать революцию в Италии и затеять с Австрией войну для уничтожения ее влияния на итальянские государства. Еще 30 июля 1846 года в письме лорду Росселю о возможности подобного развития событий Пальмерстон отмечал, что «мы не можем иметь никакого желания видеть Австрию повергнутой в прах (broken down), Францию увеличенной, а военное тщеславие и любовь французов к завоеваниям ожившими в результате успеха»¹.

После занятия Феррары австрийскими войсками Пий IX в 1847 году весьма нуждался в дипломатической поддержке Англии. Пальмерстон хотел использовать затруднения папы и получить от него одобрение подавления ирландского движения рипилей и осуждение политической деятельности ирландских католических священников. Со своей стороны, Пий IX готов был угождать Пальмерстону и надеялся добиться от него установления в Англии вильной иерархии для католического духовенства.

Внимание Пальмерстона привлекала не только папская область, и Пьемонт, в котором поднималось национально-объединительное либеральное и революционное движение. Пальмерстон сочувствовал умеренно-либеральным преобразованиям в Пьемонте как средству предупреждения войны и революции и желал усиления Пьемонта как буржуазного государства, способного служить противовесом Франции в Северной Италии. Не менее важное значение Пальмерстон придавал тому, чтобы помешать нарушению нейтралитета и неприкосновенности Швейцарии как буфера между Францией и Австрией. Выше уже было упомянуто, что самым лучшим способом предупредить австро-французскую интервенцию в Швейцарии Пальмерстон считал скорейший разгром «Зондербунда» федеральным правительством. Для осуществления своей политической линии в Швейцарии и в итальянских государствах Пальмерстон задумал послать в Берн, Турин, Флоренцию, Рим и Неаполь с особою конфиденциальной миссией лорда Минто, который приходился тестем главе британского кабинета лорду Росселю и британскому посланнику в Турине—Аберкромби. При составлении инструкции для лорда Минто Пальмерстону пришлось преодолеть сопротивление королевы Виктории и принца-супруга Альберта, которые считали поддержку либеральной политики в Риме «самым враждебным шагом в отношении старого и естественного союзника» — Австрии, и сочувствовали реакции².

Лорд Минто начал свою поездку с посещения Швейцарии.

¹ Цит по книге Bell H. Lord Palmerston, L 1936, vol I, p 412—413.

² Bell, op cit, p 411—414

Именно он передал главе федерального правительства Оксенбейну совет поскорее уничтожить вооруженные силы «Зондербунда». Тот же совет Пальмерстон высказал в частном письме секретарю британской миссии в Берне — Пилю (Peel)¹. В Италии Минто ободрял сторонников умеренных либеральных реформ и поощрял выдвинутую туринским кабинетом идею сплочения таких итальянских государств, как Тоскана, Модена и Рим, вокруг Пьемонта в таможенную лигу. Проект депеши английскому посланнику в Турине, составленный в октябре 1847 года, указывает, что эта лига послужит для «образования союза, который сможет положить солидное и прочное основание для политической независимости Италии»². В палате Пальмерстон указывал на то, как либеральные порядки и постройка железных дорог благоприятно отразятся на британской торговле в Италии. Быстрое экономическое развитие Пьемонта в 40-х годах XIX века привлекло к себе внимание английской буржуазии. Еще в 30-х годах туринский кабинет строил планы проведения железной дороги от Генуи к Лаго Маджиоре с тем, чтобы в будущем она была соединена с железнодорожными линиями Центральной Европы, идущими к берегам Ла-Манша и Северного моря. Такое направление железных дорог могло бы содействовать английской торговле в Северной Италии и на Средиземном море вообще. Австрийские капиталисты и правительство желали сооружения железнодорожных линий по совершенно другому направлению — от Ливорно на Флоренцию, Болонью и Триест, чтобы изолировать Геную и Пьемонт и связать итальянские государства с Австрией. Было разработано много вариантов этих планов. Экономические отношения Пьемонта с Австрией к 1848 году крайне обострились. Особенное раздражение вызвал в Турине претительный тариф на пьемонтские вина, введенный в Австрии в 1848 году. Между Австрией и Пьемонтом шла таможенная война, в которой симпатии британской буржуазии были на стороне Пьемонта. Не только торговые, но и политические выгоды определяли эти симпатии: с точки зрения британских интересов было желательно, чтобы Австрия поменьше внимания обращала на свои владения в Италии и была бы готова в любое время обратить все свои силы против России. Лорд Минто поощрял пьемонтских либералов и «либеральные» проекты Пия IX.

В благодарность за поддержку Пальмерстона папа осудил вмешательство ирландского духовенства в политическую борьбу, что, впрочем, не помешало вспыхнуть ирландскому движению весной 1848 года. Британский кабинет предложил парламенту акт установлении нормальных дипломатических отношений с Ватиканом, но палата лордов свела значение этого решения к нулю, внося оговорку, что папским представителем в Лондоне может быть только светское, а не духовное лицо.

¹ Bell, op. cit., p. 406.

² Там же, p. 413—417.

Когда в начале 1848 года вспыхнуло революционное движение в Сицилии, Пальмерстон счел полезным посоветовать неаполитанскому правительству провести умеренные реформы, чтобы в дальнейшем избежать слишком больших уступок¹. Неаполитанские революционеры возлагали надежды на симпатии английского кабинета, и один из главарей восстания в Палермо поместился в доме английского консула², но на деле либеральные советы Пальмерстона имели целью предотвращение революции. Гизо был еще умереннее. Он считал реформы в Неаполе нужными, но продолжал настаивать на необходимости самой крайней осторожности при их осуществлении. Россия, Пруссия и Австрия давали неаполитанскому и папскому правительствам советы сопротивляться до последней крайности и не делать никаких уступок либеральным требованиям. Меттерних даже требовал от Пия IX согласия на пропуск австрийских войск через Папскую область в неаполитанские владения³, но получил отказ: папа боялся уронить свой престиж в Италии таким прислужничеством перед Австрией и надеялся на поддержку Франции. Еще в декабре 1847 года под давлением Франции австрийское правительство дало своим войскам приказ очистить Феррару. Когда австрийские отряды прибыли в Модену и Реджио для поддержания там «порядка», со стороны Франции последовали протесты: Гизо стоял за поддержку реакции, но даже с его стороны чрезмерное засилье австрийского влияния в Италии начинало вызывать противодействие.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ И МАРТОВСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1848 ГОДА

Внешняя политика Временного правительства во Франции в феврале—мае 1848 года

Во время событий 1848 и 1849 годов правительство Французской республики было единственной властью революционного происхождения, которая сохраняла и поддерживала мир и дипломатические сношения с другими государствами и длительное время вела свою внешнюю политику. В отличие от Французской республики, ни венгерское революционное правительство, ни революционные правительства, которые в 1848 и в 1849 годах на короткое время приходили к власти в Ломбардии, Венеции, Риме и Тоскане, не успели в сколько-нибудь значительной степени развернуть свою внешнеполитическую деятельность и были раздавлены, не добившись признания. Внешняя политика Временного правительства представляет выдающийся интерес как выражение в этой области классовых интересов французской буржуазии после февральской революции.

¹ Пальмерстон — Уэстморленду 22 II 1848 г. Temperly and Penson (ed) *Foundations of British Foreign Policy from Pitt to Salisbury*, p. 166.

² Там же, стр. 163.

³ Guichen, t I. p. 45

В кабинете Гизо лежали на столе забытые бумаги и всюду виднелись следы поспешного бегства, когда в нем водворился Ламартин — новый министр иностранных дел¹.

Дипломатия Ламартина была первым этапом внешней политики Второй республики. Она всецело определялась положением Временного правительства и его классовой сущностью. Февральская революция поставила у власти вместо финансовой аристократии весь класс французской буржуазии, но в первый период своего правления, до мая 1848 года, буржуазия еще вынуждена была допустить к участию в правительстве мелкобуржуазных социальных республиканцев и представителей рабочих. Маркс указывал, что Временное правительство было «компромиссом между различными классами, которые совместными усилиями низвергли июльскую монархию, но интересы которых были друг другу враждебны»². Доли их участия и влияния в компромиссном правительстве были далеко не равными. Огромное большинство его членов были представителями буржуазии, т. е. буржуазными республиканцами или деятелями династической оппозиции. Руководство внешней политикой Временного правительства они удерживали в своих руках в значительно большей степени, чем внутренние дела. Представители рабочих — Альбер и Луи Блан были всецело поглощены Люксембургской комиссией и оказались в хвосте у буржуазии, а наиболее влиятельный из «якобинцев 1848 года» Ледрю-Роллен занял пост министра внутренних дел. Внешняя политика всецело была предоставлена Ламартину, «трехцветному» буржуазному республиканцу. Ламартин был популярен как поэт, публицист и оратор. В духе сентиментальных фраз он в напыщенных и звонких, но бессодержательных фразах проповедывал «примирение» всех классов. В период «всеобщего братания» с февраля до мая 1848 года, когда буржуазия еще вынуждена была делать уступки рабочему классу и мелкобуржуазным республиканцам, Ламартин давал словесное удовлетворение своими излияниями о гуманных началах внешней политики, а на деле разрешал главную внешнеполитическую задачу, которая стояла в то время перед буржуазией: она заключалась в сохранениилюбнейшего внешнего мира, чтобы избежать дальнейшего революционного подъема и новых уступок мелкой буржуазии и рабочему классу внутри страны. В решении этой задачи сказались та особенность Февральской революции, что она развивалась по нисходящей линии и что буржуазия обнаружила утрату своей прежней революционности перед лицом нарастающего рабочего движения. Прогрессивная задача — спасти республику от опасности иностранной интервенции — с самого начала превратилась у буржуазных республи-

канцев в контрреволюционное намерение использовать внешний мир для того, чтобы остановить революцию внутри страны.

Вся внешняя политика Временного правительства была обусловлена страхом перед возможностью интервенции, боязнью встретить внешнего врага или одно из «тех крупных внешних осложнений, которые могли бы воспламенить национальную энергию, ускорить революционный процесс, толкнуть вперед Временное правительство или выбросить его за борт»¹. По свидетельству самого Ламартина, он боялся, что всякое открытое выступление Франции против трактатов 1815 года или на помощь революционным движениям в других странах вызовет образование контрреволюционной коалиции и войну с нею, которая потребует чрезвычайных революционных мер, террора² и новых уступок народным массам. Ламартин считал, что война несет с собою и другую опасность: возможность установления военной диктатуры генерала, как то было при Наполеоне Бонапарте. Входящие во Временное правительство буржуазные республиканцы сознавали, что в случае войны их власть может рухнуть, и старались избежать всяких осложнений с реакционными европейскими правительствами. Маркс так и писал об этой политике: «Главную свою заслугу молодая республика полагала в том, чтобы никого не пугать, а, напротив, самой всего пугаться и мягкой податливостью да беззащитностью отстоять свое существование и обезоружить врагов. Она громко заявила о своем миролюбии привилегированным классам внутри страны и деспотическим державам «вне»³.

Главное средство избежать интервенции Ламартин видел в том, чтобы обеспечить мир с Англией⁴. Расчет этот был верен: без английских денег война против Французской республики была бы непосильной для расстроенных финансов Австрии, России и Пруссии. Став министром иностранных дел, Ламартин немедленно написал британскому послу в Париже лорду Норманби и представителям других государств о том, что «республиканская форма нового правительства не меняет ни места Франции в Европе, ни ее лояльных и искренних намерений поддерживать отношения доброго согласия между державами, которые, как и она, хотят независимости наций и всеобщего мира (la paix du monde)». На другой день Норманби посетил Ламартина и заявил, что его функции в качестве посла окончены, но сам он, по личному убеждению, полагает, что Англия будет следовать своему принципу признавать в других государствах любую форму правительства, которая представляет «гарантии устойчивости и безопасно-

¹ К. Маркс Классовая борьба во Франции Избранные сочинения. А.—Л. 1933 г., т. II, стр. 163.

² Lamartine, op cit, p. 21, 23, 24.

³ К. Маркс Классовая борьба во Франции Избранные сочинения, т. II, 1933, стр. 163.

⁴ Lamartine, op cit. t. II, p. 21.

сти внутри и не дает никакого повода для беспокойства соседних стран». Ламартин продолжал расточать лорду Норманбю свои миролюбивые заверения и даже выразил желание союза с Англией¹. Он всячески заботился о том, чтобы рассеять подозрения британского правительства относительно возможности какого бы то ни было вмешательства Франции в итальянские дела. Когда английский флот появился у берегов Сицилии и неаполитанский король обратился к Ламартину с просьбой прислать туда же и французскую эскадру для противовеса английской, то Ламартин отказал, чтобы не вызывать у Пальмерстона никаких опасений². Для европейских правительств Ламартин решил составить особый манифест и постарался написать его в неясных и цветистых выражениях, прикрывавших громкими словами страх Временного правительства перед возможностью внешних осложнений.

4 марта Ламартин циркулярно разослал агентам Французской республики за границей манифест о внешней политике с целью успокоить все иностранные правительства и уверить их в том, что Франция не начнет войны с целью отмены договоров 1815 года. Этот циркуляр был обнародован и своими звонкими фразами должен был дать удовлетворение французскому общественному мнению. Циркуляр объявлял агентам республики при иностранных дворах, что «Французская республика не нуждается в признании для того, чтобы существовать. Она происходит от естественного права, от права национального. Она есть воля великого народа, который дает ей ее титул от себя самого (ne demande son titre qu'à lui même). Но в то же время Французская республика желает войти в семью установленных правительств как правомерная держава (une puissance régulière), а не как феномен, возмущающий европейский порядок, и было бы уместно, чтобы вы немедленно дали знать правительству, при котором вы аккредитованы, о принципах и тенденциях, которые отныне будут направлять внешнюю политику французского правительства».

Провозглашение Французской республики не является актом агрессии против какой-либо формы правления...

Монархия и республика не являются в глазах истинных государственных людей абсолютными принципами, которые ведут смертельную борьбу; это факты, которые противостоят друг другу (se contrastent), но которые могут стать лицом к лицу, понимая и уважая друг друга.

Война, таким образом, не есть принцип Французской республики, хотя она стала фатальной и славной необходимостью в 1792 году...».

Далее в циркуляре высказывалась мысль, что война еще раз привела бы Францию к военной диктатуре генерала и что «Рес-

публика желает, без сомнения, славы, но желает ее ради нее самой, а не для Цезаря или Наполеона».

«Французская республика, таким образом, не замышляет войны против кого бы то ни было. Ей нет нужды заявлять, что она примет ее, если условия войны будут навязаны французскому народу. Мысли людей, которые в настоящий момент управляют Францией, таковы: да будет счастлива Франция, если ей объявят войну, и если таким образом ее вынудят, несмотря на ее умеренность, умножить свою силу и славу! Но, да падет на Францию страшная ответственность, если Республика сама объявит войну, не будучи к тому вызвана. В первом случае ее военный гений, ее нетерпение к действию, ее силы, накопленные в течение стольких лет мира, сделают ее неуязвимой в ее собственных пределах и, быть может, грозной вне ее границ...

Трататы 1815 года не существуют более в глазах Французской республики как право (en droit); однако территориальные постановления этих трактатов есть факт, который она допускает как основу и как исходный пункт в своих отношениях с другими нациями.

Но если трактаты 1815 года отныне существуют лишь как факт, подлежащий изменению с общего согласия, и если Республика громогласно заявляет, что она имеет право и назначение правомерно (régulièrement) и мирно достичь этих изменений, то существуют здравый смысл, умеренность, совесть и благоразумие Республики, и они составляют для Европы гораздо лучшую и более почетную гарантию, чем буква этих трактатов, столь часто нарушавшихся и подвергавшихся изменениям...».

Отвергнув на практике идею революционного вмешательства в дела других стран, циркуляр в теории заявлял, что Республика в некоторых случаях имеет право осуществить это вмешательство.

«Итак, мы громогласно заявляем, что если нам покажется, что в решениях Провидения пробил час преобразования какой-либо угнетенной национальности в Европе или другом месте, если Швейцария, наша верная союзница со времени Франциска I, была бы стеснена или угрожаема в движении роста, которое происходит в ней, чтобы прибавить новые силы к семье (faisceau) демократических правительств, если независимые государства Италии подверглись бы вторжению, если были бы навязаны пределы или поставлены преграды их внутреннему преобразованию, если бы оспаривалось с оружием в руках право их соединяться для консолидации итальянского отечества, Французская республика полагала бы себя вправе самой вооружаться для защиты этих законных движений роста и национальности народов»¹. Пре-

¹ Guichen, t I, p. 52.

² Там же, p. 53.

¹ Цит по Lamartine A. Trois mois au pouvoir, P. 1848 г., p. 69—78. е же идеи Ламартин развивал в большой речи в Национальном собрании мая 1848 г. (op. cit., p. 179—212).

дупредив, таким образом, европейские правительства, что Французская республика будет вооружаться, чтобы защищать от австрийской интервенции Швейцарию и государства Италии, циркуляр заканчивался повторением миролюбивых заверений и возлагал на Орлеанскую династию всю ответственность за обострение англо-французских отношений в предыдущие годы.

Главная идея внешней политики Ламартина была понятна некоторым современникам. «Манифест Ламартина,—писал Герцен,— был уже довольно слаб и водян. Но действия его дипломатии были гораздо слабее. Он говорит в манифесте, что Франции ничего искать прощения за революцию, ни упрашивать о признании республики,— на деле он именно искал, чтобы европейские государства отпустили Франции грех освобождения...» «Временное правительство приняло за главный вопрос — успокоить среднее состояние во Франции и встревоженные правительства в Европе. Оно не верило в свое собственное дело; оно хотело к а к-н и б у д ь уладить республику, к а к-н и б у д ь удержать мир»¹.

Европейские правительства поняли циркуляр Ламартина как отказ Французской республики от войны за отмену договоров 1815 года и как выражение намерения сохранить мир. Пальмерстон угадал, что пышная фразеология циркуляра предназначалась не для иностранных кабинетов, а для парижских клубов. О звонком тексте циркуляра Пальмерстон писал: «Если бы вам пришлось положить все это в плавильник, выпарить газообразные части и удалить шлак, то вы нашли бы главное, а именно то, что должны быть мир и доброе товарищество с другими правительствами»².

После опубликования своего циркуляра Ламартин, которого социалистический историк 1848 года Ренар метко назвал «большой шарманкой революции», продолжал неуклонно твердить о том, что хотя республика и стоит за освобождение и независимость всех наций, но всеобщее братство народов должно быть установлено только мирными путями. 27 марта официальная газета «Moniteur» предвещала скорое образование Священного союза народов и создание в будущем «Соединенных Штатов Европы». Широкие круги коммерсантов и промышленников желали «La Presse» проповедывала всеобщее разоружение. За мир высказывались Консидеран и другие последователи Фурье³, отрицавшие революционную и вообще классовую борьбу. Для 1848 г. характерно, что сторонницей европейского мира, основанного на сокращении ревизионной «системы 1815 г.», была во Франции круп-

ная буржуазия, боявшаяся своего рабочего класса. Идея революционной войны в духе традиций 1793 г. жила среди французских мелкобуржуазных республиканцев и тех социалистов, которые уже тупили на путь революционной политической борьбы.

«Якобинцы 1848 года» и социальные республиканцы не верили в мирное осуществление братства народов и смело настаивали на революционном вмешательстве в дела других стран посредством активной помощи революционным движениям во всей Европе.

Они были уверены, что война с контрреволюционными правительствами не только завершится полной победой восставших народов, но и приведет к необходимости проведения во Франции внутренних чрезвычайных революционных мер, которые были главной целью. В легкости свержения реакционных правительств народными, в том случае, если Франция окажет им помощь, они не сомневались и питали искреннюю и восторженную веру в то, что перевороты во всех странах давно назрели и что реакция нигде уже не имеет серьезной опоры. Они были убеждены, что только победа революции во всей Европе создаст полную гарантию осуществления безопасности и прочности тех революционных порядков, которые они хотели установить во Франции. Их целью во внешней политике была помощь революционным движениям, восстановление Польши в границах 1772 года в качестве оплота и союзника Франции, сближение Франции с освобожденной Италией и Германией. Революционное вмешательство в дела других народов в их глазах было ключом к решению всех вопросов внешней и внутренней политики. В основе такого взгляда лежало сознание недостаточности собственных сил для осуществления своей программы внутри страны, без тех чрезвычайных мер и потрясений, которые вызывала бы революционная война с Европой. В 1792—1793 году война с контрреволюционной коалицией способствовала подъему революционных сил, и этот пример хотели использовать «якобинцы 1848 года» и «социальные республиканцы». Во Временном правительстве их идеи поддерживали Ледрю-Роллен и Луи Блан.

Революционные эмигранты — поляки, ирландцы, немцы, бельгийцы, итальянцы, другие иностранцы, — которых только в одном Париже было до 15 тысяч, мечтали о том, что Временное правительство окажет им помощь для освобождения их отечества. Все они основывали свои клубы, устраивали шествия с национальными флагами, посылали делегации и адреса к Временному правительству, взывая о поддержке. Ответные речи Ламартина были полны звонких фраз, сочувственных комплиментов и восторгов по поводу свободолюбивых стремлений европейских народов, но не содержали никаких обещаний практической помощи. Полякам Ламартин ответил, что Французская республика, несмотря на свои симпатии к Польше, ведет миролюбивую политику, и советовал

¹ Герцен А. И. Письма из Франции и Италии «С того берега» М.—Л. 1931, стр. 172.

² «If you were to put the whole of it into a crucible, and to evaporate the gaseous parts and sum off the dross, you would find the regulus to be peace and good fellowship with other governments», Bell op cit, vol. I, p. 425.

³ Ренар Республика 1848 г. Перев. с фр. СПб. 1907, стр. 16—20.

ам ждать будущего¹. Слащавые речи Ламартина имели целью обнадёжить и успокоить иностранных революционеров-эмигрантов и их сторонников во Франции, но так, чтобы ничем не связывать правительство и уклониться от реальной помощи революционным движениям в других странах. Маркс писал о речах Ламартина: «Подобно тому, как Эол выпускает из своих мехов все ветры, так Ламартин развязывает и гонит по ветру на восток и на запад всех духов воздуха, все фразы буржуазной республики, — ветренные слова о братстве всех народов, освобождении, которое Франция принесет всем народам, о самопожертвовании Франции в интересах всех народов.

А сделал он что? *ничего!*»².

В марте иностранные революционеры-эмигранты принялись создавать свои «легионы», но военное министерство запретило пропускать за пределы Франции какие бы то ни было вооруженные группы. 18 марта в Париже был составлен «немецкий легион» в 2000 человек под командой немецкого поэта Гервега. Тремя отрядами без оружия они отправились к границе с черно-желто-красными знаменами. Бельгийские республиканцы образовали «бельгийский легион». Иностранные легионы пользовались покровительством министра внутренних дел Ледрю-Роллена, который даже предложил бельгийцам бесплатный проезд на родину по железной дороге. Бельгийцы разделились на две колонны. Одна из них была привезена в Дуэ, после чего ее участники были без сопротивления задержаны бельгийскими властями. Другая колонна с ружьями перешла границу и вступила в стычку с правительственными бельгийскими войсками, причем было убито 7, ранено 26 и 60 человек взято в плен. Остальные снова вернулись на французскую территорию.

Савойские республиканцы требовали присоединения Савойи к Франции. После уклончивых ответов Ламартина вооруженный отряд савойских рабочих и лионских республиканцев перешел границу, занял Шамбери и провозгласил там республику, но на другой день отряд был разогнан окрестными крестьянами под предводительством священников. Это событие вызвало тревогу пьемонтского правительства.

Опасаясь возмущения в Лионе по поводу жестоких наказаний, которые ожидали вторгнувшихся из Франции в Савойю эмигрантов, Ламартин обратился к пьемонтскому правительству с призывами к милосердию³, но с такими неопределенными и слабыми, что они не могли иметь серьезного значения.

Ламартин желал, чтобы многочисленные и беспокойные революционеры-иностранцы поскорее оставили Францию. Он не мешал организации иностранных легионов, но старался успокоить

последние правительства и избежать с ними конфликта. Военное министерство запретило пропускать за границу какие бы то ни было группы людей с оружием в руках. 2 апреля в «*Moniteur*» Ламартин опубликовал ноту, которая заявляла, что Временное правительство отказало иностранным эмигрантам в помощи оружием и деньгами. Бесплатная доставка по железной дороге бельгийского легиона к границе на деле свелась к фактической выдаче его бельгийским властям. Маркс и Энгельс с негодованием отмечали, что Ламартин «сначала поддерживал бельгийский легион, чтобы потом вернее предать его»¹. Поступая как «сладкоречивый предатель»², Ламартин отрекся от бельгийских демократов и заверил бельгийское правительство в намерении Франции строго соблюдать трактаты о нейтралитете и неприкосновенности Бельгии³.

«Иностранные легионы» мало помогали революционному движению в Савойе, Рейнской Германии и Бельгии. Скорее, напротив, они давали возможность немецким реакционным правительствам компрометировать революционное движение, объявляя его делом рук французских агентов. Маркс и Энгельс, находившиеся тогда в Париже, не одобряли деятельности «иностраных легионов». Энгельс писал:

«В Париже господствовало тогда увлечение революционными легионами. Испанцы, итальянцы, бельгийцы, голландцы, поляки и немцы объединялись в отряды, чтобы освободить свои отечества. Германский легион находился под предводительством Гервега, Горнштедта, Бернштейна. Так как все иностранные рабочие немедленно после революции не только лишились работы, но и стали подвергаться нападкам в общественных местах, то наплыв в эти легионы был большой. Новое правительство видело в легионах средство избавиться от иностранных рабочих и потому предоставляло им l'étape du soldat, т. е. походные квартиры и походные пайки в размере 50 сантимов в день вплоть до границы, где у каждого тронутого до слез министра иностранных дел красная нота была уже возможность выдать их соответствующим правительствам»⁴.

Дипломатия и военные приготовления Временного правительства вполне соответствовали его главной цели: не вызывать никакой тревоги у реакционных правительств, но сопротивляться дальнейшим требованиям рабочего класса. Побочной задачей дипломатии Временного правительства был обман общественного мнения — либеральных и радикальных газет и парижских клубов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Смертные приговоры в Антверпене. Соч., VI, М.—Л., 1930, стр. 354.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. 23—24 июня в Париже. Соч., т. VI, I.—Л., 1930, стр. 212.

³ Guichet, op. cit., t. I, 55—57.

⁴ Ф. Энгельс. К истории «Союза коммунистов» К. Маркса. Избранные произведения, т. II, 1943, стр. 13.

¹ Lamartine, op. cit.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Англо-французское посредничество в Италии. Соч., т. VI, М.—Л., 1930, стр. 479—480.

³ Guichet, op. cit., t. I, p. 87.

Временное правительство позаботилось о том, чтобы назначить на самые ответственные дипломатические посты новых лиц. За местителем Ламартина по министерству иностранных дел был назначен директор газеты «National», буржуазный республиканец Бастид, человек хладнокровный и решительный¹, крупный лесоторговец, известный своими католическими симпатиями. Все прежние послы Франции за границей были отозваны и заменены неофициальными агентами Республики, но чиновники министерства были в основном оставлены на своих местах. 15 марта в докладе о званиях дипломатических агентов Ламартин заявил, что республика не нуждается в престиже рангов и роскоши для своих агентов «их роскошь, — сказал он, — заключается в их простоте, их ранг — в их звании, их достоинство — в уважении, которое они внушают и которое они выражают правительствам и народам, к которым они посланы»². Ламартин предложил провести единообразное упрощение званий дипломатических агентов и ограничение их жалованья и установить звания чрезвычайного посланца (envoyé) полномочного посланника, поверенного в делах и секретаря миссии, упразднив, таким образом, ранг посла³.

Впрочем, для успокоения реакционных правительств, Ламартин тщательно соблюдал общепринятые формы дипломатической переписки и назначал дипломатических агентов самого умеренного или консервативного образа мыслей. В Берлин он послал профессионального дипломата — легитимиста Сиркура, в Вену — тоже профессионального дипломата Лякура, в Лондон — генерала Опику (Aurick), в Рим — герцога д'Аркура (d'Harcourt)⁴. Как вели себя эти дипломаты при иностранных дворах, показывает пример Сиркура, который во время восстания 16 и 19 марта в Берлине совершенно отказался от всяких сношений с прусскими либералами и революционерами и даже не вывесил на балконе французской миссии трехцветный флаг республики. По этому случаю король выразил ему «признательность столь живую и полную энтузиазма, что я, — пишет Сиркур, — испытывал неловкость». 19 марта Сиркур заверил прусское правительство, что Франция желает установления парламентского либерального режима в Пруссии, но что сохранение в ней монархического строя есть «залог мира», «порядка» и защиты «высших интересов» Германии и Европы⁵.

После февральской революции положение Франции в Европе резко переменялось. Если Гизо и Луи-Филипп сближались с ав-

стрийской реакцией и вызвали своей политикой острую вражду со стороны Англии, то Ламартин немедленно после революции постарался успокоить британское правительство и отдалиться от Австрии. В противоположность Гизо, Ламартин выставил Францию защитницей целостности, нейтралитета и независимости Швейцарии. Он старался сблизиться не с Австрией, а с Пруссией и крайне переоценивал значение либеральных уступок прусского правительства в марте 1848 года. Мечтой Ламартина был союз с Англией, с малыми государствами и с «либеральной» Пруссией. Ламартин, как и многие либералы 1848 года, питал иллюзию, что родство принципов и либеральных буржуазных учреждений сможет само по себе обеспечить солидарность Англии, Франции и Пруссии во внешней политике, несмотря на противоречивость интересов буржуазии этих стран. В «либеральной» Пруссии Ламартин явно видел оплот против революционно-демократического движения в Германии.

По словам Ламартина, Временное правительство старалось «с достоинством внимать Англии, заискивать у Пруссии, наблюдать за Россией, успокаивать Польшу, ласкать Германию, избегать Австрию, улыбаться Италии, не возбуждая ее, ободрять Турцию, предоставить Испании самой себе... действовать с республиканской твердостью, в духе дипломатии, без честолюбия, но и без слабости»¹. В действительности внешняя политика Временного правительства была бездейственной. Даже в Италии, откуда Ламартину хотелось изгнать австрийское влияние, правительство не отваживалось на активные действия, хотя во Франции велись значительные военные приготовления.

Временное правительство создало Комитет национальной обороны под председательством Араго. Решено было привести в состояние готовности четыре армии у Рейна, у Пиренеев, у Альп и на Севере. Смотря по обстоятельствам, эти армии могли бы отражать нападение извне или же оказывать своим присутствием воздействие на политику соседних правительств. Часть обученных солдат была отозвана из Алжира во Францию. По свидетельству Ламартина, создание армии у подножия Альп было нужно Временному правительству, чтобы держать в страхе лионских рабочих и не допустить восстания в Лионе². Та же армия могла ободрять итальянское движение против австрийцев в Пьемонте, Ломбардии и Венеции.

«Якобинцы 1848 года» и «социальные республиканцы», а также савойские эмигранты требовали от Временного правительства вооруженной помощи итальянскому движению. Ламартин желал усиления Сардинского королевства и ослабления австрийского влияния в Италии, но боялся войны, не говоря уже о том, что со стороны правительства и правящих классов Пьемонта и в Ломбар-

¹ Lamartine, Histoire de la Révolution 1848 P. 1849, t. I, p. 7—8.
² Lamartine A Souvenirs d'une Mission à Berlin, t. I, P. 1908, p. 96—97.

³ Там же.

⁴ Sircourt, A. Souvenirs d'une mission à Berlin, t. I, p. 68, 70—80, 88, 185, 195—196.

⁵ Knight, J. Lamartine, ministre des affaires étrangères. Revue d'histoire diplomatique. P. 1908, № 2, p. 280—284.

¹ Lamartine A Histoire de la Révolution de 1848 t. II p. 1849, p. 30

² Там же, стр. 45.

дии мысль о возможности французского вмешательства была встречена крайне недружелюбно. Карл-Альберт питал крайнее недоверие к Французской республике. Савойская экспедиция и попытка провозглашения республики в Шамберии наводила на мысль о том, что Франция может потребовать за свою помощь против Австрии территориальных вознаграждений — Ниццы и Савойи. Большую тревогу вызывала в Пьемонте собранная у Альп французская армия.

Французская республика была единственным государством, с которым Карл-Альберт не имел официальных, а только фактические отношения. Начиная войну с Австрией, Туринский двор даже не послал об этом в Париж официального уведомления. Ламартин держался уклончиво и впоследствии хвастал, что для пьемонтского посланника маркиза Бриньоля он сделал «невозможным это — одобрять или не одобрять французское правительство это объявление войны»¹. В апреле Ламартин получил от своего агента в Пьемонте Биксио сведения о том, что вмешательство Франции может быть желательно только в том случае, если итальянцы сами не смогут изгнать австрийцев за Альпы. Если Франция вмешается преждевременно, то по всей Италии раздастся клич. «Франция, в которой мы не нуждаемся, явилась единственно для того, чтобы дать удовлетворение военному духу, который выходит за ее пределы. Она хочет делать не наше дело, а свое. Она заявила в своей программе, что она не хочет завоеваний, но она солгала; она желает австрийского наследства»². Биксио писал, что такое вмешательство вызвало бы лишь ненависть всей Италии. О том же сообщал Ламартину и сардинский посланник.

При Временном правительстве Франция была изолирована и не имела союзников. Но политика Ламартина содействовала сохранению мира, и в этом была реальная выгода, которую она принесла французской буржуазии, желавшей иметь руки свободными для перехода на рабочий класс. Вместо воинственных и энергичной борьбы против трактатов 1815 года и против Англии, которую проповедывали буржуазные республиканцы до Февральской революции, Временное правительство фактически признало трактаты 1815 года и заискивало перед Пальмерстоном, стараясь вернуться к «сердечному согласию» с Англией.

Европейские правительства и Февральская революция

Объявление Второй республики во Франции совершилось при обстоятельствах, совершенно не похожих на 1792 год. В феврале 1848 года не было ни контрреволюционной коалиции, ни войны с Францией. Во время падения Гизо Франция находилась в нормальных дипломатических отношениях со всеми правительствами, а союз царя, прусского короля и австрийского императора, испыты-

вал тяжелый кризис. После Февральской революции иностранные дипломаты не покинули Парижа, и ни одно правительство не рискнуло, не сговорившись с остальными, разорвать дипломатические отношения с Французской республикой.

Несходство было и в другом: если в 1789 году французские события послужили сигналом для революции только в австрийских Нидерландах, то в 1848 году революционное потрясение захватило почти всю Западную Европу. Почти все правительства были встревожены внутренними волнениями в своих странах. Революционные события в Италии, мартовские революции в германских государствах и в Австрийской империи отвлекли внимание от Французской республики в первые недели ее существования и сделали общее выступление против нее совершенно невозможным.

Передавая впечатление, которое революции произвели на правительство, Герцен писал: «Я был в Италии в это время и видел своими глазами действия магических слов *République française*. Пий IX перепугался до смерти и начал снова делать уступку за уступкой; иезуиты были придавлены, кардиналы присмирели. Король неаполитанский укладывал драгоценные вещи и держал наготове пароход. Карл-Альберт, чтобы спасти свою корону, становился во главе итальянской войны. Савойя предлагала республике присоединиться. Правительства были деморализованы, сбиты с толку, народы — за Францию, испуг был так велик, что прусский король и австрийский император согласились на демократические конституции и обещали восстановить Польшу. Чтобы разом выразить слабость консервативной стороны и старой политики 1815 года, стоит вспомнить, что маленький угол Монако и Невшателльский кантон сделали свои революции, и никто не думал им серьезно помешать»¹. Многие в словах Герцена было сильно преувеличено под влиянием тех настроений, которые переживали во время февральских и мартовских событий революционные деятели, но Герцен верно отметил то, что европейские правительства были слишком заняты событиями у себя дома, чтобы иметь возможность соединиться против республики во Франции. Исключали эти возможности и коренные противоречия интересов европейских государств. Царский посол в Лондоне Бруннов безуспешно убеждал Пальмерстона не признавать нового порядка вещей во Франции, но Пальмерстон отказался дать подобное обязательство.

За пять дней до 24 февраля Пальмерстон высказывал мнение, что революция в Париже невозможна, но неожиданность событий не повлияла на его политику по отношению к Франции. Его желание сохранить мир и дипломатические отношения с Францией вовсе не были вызваны «либеральными» симпатиями к февральским событиям. Вряд ли Пальмерстон ненавидел что-либо

¹ Knight Op. cit., p. 277

² Lamartine A. Trois mois au pouvoir P. 1848, p. 234—236.

¹ Герцен А. И. Ук. соч., стр. 171—172.

сильнее, чем революционные движения. Свое отношение к французскому Временному правительству он откровенно высказал, написав, что все его существо возмущается при мысли о «нации в 33 миллиона, деспотически управляемой восемью или девятью людьми, которые являются полностью зависимыми от 40 или 50 000 простых людей из предместий Парижа»¹. Эти полные ненависти слова станут понятны, если учесть страх английской буржуазии перед нарастанием нового подъема чартистского движения, оживившегося под влиянием Февральской революции.

Но Пальмерстон не руководствовался в своих действиях чувствами презрения или злобы, а следовал выгодам британской буржуазии. Он был рад тому, что Февральская революция надолго займет силы Франции внутренними делами и вынудит ее предоставить самой себе Испанию и остановить колониальные завоевания Бруннов настойчиво доказывал Пальмерстону, что рано или поздно последствием Февральской революции будет возвращение Франции к завоевательной политике. То же мнение высказывал и герцог Веллингтон². Но Пальмерстон вскоре успел разглядеть, что в ближайшем будущем нечего серьезно опасаться Французской республики. Циркуляр Ламартина успокоил его; в течение месяца он убедился, что Временное правительство ведет гораздо более удобную для Англии политику, чем Гизо и Луи-Филипп. В довершение всего, Пальмерстону нужно было сохранять мир с Францией перед опасностью новой войны чартизма и повстанческого движения в Ирландии.

Но в отличие от 1830 года, когда Англия немедленно после Июльской революции признала монархию Луи-Филиппа, Пальмерстон не спешил с признанием Второй республики и поддерживал с ней лишь фактические отношения. В Европе первыми признали республику Швейцария, Бельгия, Испания, но Пальмерстон хотел выждать время, чтобы выяснить, насколько устойчивым окажется новое правление во Франции и не начнет ли оно вооруженного вмешательства в дела соседних государств. Когда во Франции был создан «бельгийский легион», Пальмерстон снова встретился и вступил в обмен мнений с голландским правительством об опасности французского революционного вмешательства в бельгийские дела. На этой почве произошло сближение Великобритании, Бельгии и Голландии. Правительство Голландии призвало под ружье 3 тысячи человек. Баварский двор не менее был обеспокоен слухами о предстоящем будто бы вторжении французов в Бельгию. Пальмерстон оказался весьма доволен, когда эта ложная тревога рассеялась и выяснилось подлинное лицо политики Ламартина в отношении «бельгийского легиона»³. После этого единственным темным пятном во внешней по-

литике Французской республики Пальмерстон считал ее двусмысленное поведение в итальянских делах и сосредоточение у подножия Альп французской армии.

Пальмерстон опасался того, что если Франция окажет помощь Пьемонту против Австрии, то на севере Италии восторжествует французское влияние. Прусский посланник в Лондоне Бунзен доносил в Берлин, что лучшим средством помешать Франции Пальмерстон считал общее соглашение европейских правительств о мерах, которые надо будет принять, если она «нападет» на соседние государства. Соглашения этого Пальмерстон надеялся достичь на основе принципа невмешательства всех государств в дела Италии и Швейцарии. В этом вопросе он вполне сходиллся с Пилем и Эбердином. Пальмерстон преувеличивал желание Временного правительства вмешаться в итальянские дела и находился в беспokoйстве. Он старался сдерживать Францию изъявлениями дружбы, угрозами и заставлял ее силою Австрии. На деле Пальмерстон готов был содействовать созданию сильного буферного государства на севере Италии под английским влиянием, даже если бы Австрия уступила Ломбардию. Но Пальмерстон не допускал никаких компенсаций Франции за счет Пьемонта¹. Королева Виктория была недовольна готовностью Пальмерстона изменить территориальные границы севера Италии, но она без всякого основания подозревала Пальмерстона в сговоре с «подлыми» французскими республиканцами и даже в готовности использовать силу французской армии для того, чтобы лишить Австрию ее владений в Италии. На деле Пальмерстон был весьма далек от подобных намерений. Его более всего радовала трусливость и бездеятельность внешней политики Временного правительства и страх пьемонтских либералов перед возможностью появления в Италии ненавистных французских республиканцев.

Пользуясь пассивностью политики Временного правительства, Пальмерстон намеревался всюду вытеснить французское влияние заменить его английским. Первым делом он решил подчинить свою политику Испании указке из Лондона. 7 апреля 1848 года британский посланник в Мадриде Бульвер предъявил испанским министрам письмо, в котором Пальмерстон поучал испанское правительство, советуя ему извлечь уроки из французских событий, и, во избежание судьбы Луи-Филиппа и Гизо, провести реформы, которые одни лишь смогут предупредить революцию в Испании. Пальмерстон писал Бульверу, что «испанская королева поступила бы мудро, если бы она усилила свое исполнительное правительство посредством расширения основы, на которой покоится управление, и посредством привлечения в свое правительство нескольких из тех лиц, которым доверяет либеральная партия»². Английскому правительству приписывали поддержку революционеров в Испании, но

¹ Из письма Кларендону Bell Op cit p 424.
² Мартенс, т XII СПб, 1898, стр 248—249
³ Guichen, t I, p 55—57

¹ Guichen, t I, p 90, Bell, op cit, 425—429
² Bell, p 439—440, Becker, z Historia de las relaciones exteriores de Espana durante el siglo XIX t II, p. 134

на деле Пальмерстон хотел не революционного переворота, а подчинения Испании английскому влиянию при помощи либералов, чтобы предупредить возможность революции.

Но политика Пальмерстона потерпела полную неудачу. На этот раз коса нашла на камень. Генерал Нарваз, который стоял во главе консервативного правительства, желал избавиться как от французского, так и от английского вмешательства. Он не сочувствовал либеральным реформам и не верил в опасность революции даже в том случае, если реформы не будут проведены. С точки зрения международного права, либеральные советы Бульвера были беспримерной по наглости попыткой нового вмешательства во внутренние дела Испании с целью превращения ее при содействии либералов или «прогрессистов» в простой придаток Англии. Нарваз использовал «дерзкие притязания» Англии, чтобы дискредитировать в Испании и «прогрессистов» и английскую политику 10 апреля письмо Пальмерстона было возвращено Бульверу с категорическим ответом, что любой документ подобного рода будет снова передан обратно без всяких комментариев. Испанская нота содержала язвительные указания на репрессии в Ирландии, которые осуществляло то самое английское правительство, которое вмешивалось в дела Испании под предлогом защиты либеральных принципов. Бульвер продолжал свои настояния, но вскоре ему был вручен приказ в 48 часов покинуть страну, под предлогом того, что он был замешан в заговорах и поддержке революционеров¹. Возбешенный Пальмерстон приказал выдать паспорт испанскому посланнику в Лондоне, и дипломатические отношения обеих стран временно были прерваны. Смелость и решительность Нарваза увеличили его популярность, и объективным результатом бесцеремонности политики Пальмерстона в Испании было усиление там влияния «умеренных», т. е. реакционной партии. Однако Пальмерстон не был смущен своей неудачей в Испании. В особенности бесцеремонной стала его внешняя политика после того, как в Лондоне были мобилизованы все вооруженные силы для сопротивления чартистскому движению. 10 апреля была подавлена попытка устройства грандиозной рабочей демонстрации. Первый удар революции был нанесен в Англии «В Лондоне 10 апреля была сломлена не только революционная мощь чартистов, но и революционизирующее влияние февральской победы»².

В XIX веке Англия не раз служила убежищем для революционной эмиграции из других стран. Но во время февральской и мартовской революций произошло нечто совсем иное: революционеры-эмигранты покидали Англию, чтобы принять участие в борьбе за освобождение своих отечеств, а в Англию под покровительство британской аристократии и буржуазии устремились падшие знаменитости реакционной Европы. В начале марта Луи-Филипп,

переодетый в грубый горохового цвета пиджак, в огромных очках и с выросшей за неделю бородой высадился в Нью-Хэвене, сопровождая плотно закутанную в плащ и вуаль супругу. Из Парижа в Англию прибыл Гизо и его подруга — княгиня Ливен, известная своими реакционными взглядами и связями в лондонском высшем свете. Гизо поселился в Бромптоне, а Луи-Филипп — в Кларемонте, который служил английской резиденцией бельгийского короля Леопольда. В Англии нашли себе убежище «г-н и г-жа Мейер», еще недавно известные под более громким именем князя и княгини Меттерних. Туда же вскоре прибыл прусский наследник принц Вильгельм, или «принц-картечь», который покинул Пруссию в знак протеста против скромных либеральных уступок, вырванных мартовской революцией у короля Фридриха-Вильгельма IV, и вследствие своей крайней непопулярности среди либералов и революционеров.

Пальмерстон не скупился на изъявления своего радушия. Он так пожимал руки Гизо, что один из присутствующих английских чиновников, Чарльз Гревиль, сказал: «Я думал, что Пальмерстон и Гизо оторвут друг другу руки»³. С Меттернихом, который еще недавно именовал его «красным республиканцем», Пальмерстон был сдержаннее.

Поселившись в Англии, бывшие правители реакционной Европы завязали сношения с Эбердином, с королевой Викторией и ее супругом — принцем Альбертом и с дядей королевы — бельгийским королем Леопольдом. Вместе с английскими тори они принялись за реакционные интриги, стараясь отвлечь Пальмерстона даже от поддержки умеренных либеральных движений.

В отличие от Пальмерстона Николай I явно потерял равновесие, узнав о Февральской революции. Лишь спустя несколько дней он пришел в себя и стал соразмерять свои действия с наличными силами.

Известие о Февральской революции прибыло в Петербург с задержанием, 5 марта (22 февраля старого стиля), и вызвало у Николая I прилив ярости.

Николай I страстно желал двинуть на Францию свою армию раздавить революцию. Он желал этого до такой степени, что забывал даже о пустоте своего казначейства и полнейшей финансовой немощи своей отсталой самодержавно-крепостнической империи. Приступы гнева и упорства овладевали им настолько, что наиболее благоразумным и опытным из придворных приходилось его удерживать. Чудовищная авантюра крестового похода против Франции уже рисовалась его воображению².

Николай I называл республику «хаосом» и «вертепом извергов»³. Он решил по крайней мере порвать с нею дипломатические сно-

¹ Becker J. Historia de las relaciones exteriores de Espana durante el Siglo XIX, t. II. Madrid. 1924, p. 134, 138.

² К Маркс и Ф Энгельс, Соч., т. VII, М.—Л. 1930, стр. 90—91

¹ Bell, op. cit., p. 422—424.

² См Шильдер Н. К. Император Николай I, т II, стр 621—624 СПб. 1903

³ С. З Николай I и европейские революции «Русск. ст.» 1904, май, стр. 267.

шения и отозвать из Парижа своего посланника графа Киселева. Но разрыв не должен был означать намерения воевать с Францией, пока она сама не нарушит трактаты 1815 года. Нессельроде 15 (3) марта писал Киселеву. «Когда вы покинете Париж, все, не исключая самого Ламартина, вас спросят: чего хочет и сделает Россия? Вы ответите: она желает мира и сохранения территориального строя в Европе в том виде, как он установлен был трактатами Венским и Парижским. Она не намерена вмешиваться во внутренние дела Франции, она не примет никакого участия во внутренних раздорах, которые могут ее раздражать; она никоим образом не будет влиять на выбор правительства, которое народ пожелает себе дать. Она соблюдает в этом отношении самый строгий нейтралитет. Но с той самой минуты, когда Франция выступит за свои пределы, когда она пойдет на одного из союзников государя, когда она будет поддерживать революционное движение за пределами своих границ и народы, восставшие против своих законных суверенов, государь придет на помощь атакованной державе, и в особенности своим наиболее близким союзникам — Австрии и Пруссии, со всеми своими силами. Такова речь, которую вам надлежит держать»¹. В депеше Бруннову, отправленной в Лондон 12 марта, Нессельроде излагал образ действий, которого царь решил придерживаться сам и советовал то же другим правительствам. «Что касается императора, — писал Нессельроде, — его намерение заключается в том, чтобы предоставить французам неизбежным последствиям нового политического эксперимента, который они хотят произвести, и присутствовать в качестве зрителя при этой разрушительной работе (à se travail désorganiser), поскольку она не выйдет за круг намеченных для Франции границ». На случай, если революция переберется за пределы Франции, царь высказывал мнение, «что европейские державы должны принять свои предосторожности, сделать оборонительные приготовления, собрать на своих границах внушительные военные средства и, до того, как они будут атаковать, держаться в наблюдательной, не наступательной, но оборонительной позиции»². Обстоятельства вынудили царя в 1848 году занять в отношении Франции более сдержанную позицию, чем во время июльских событий 1830 года. Французы в России были уведомлены, что если они желают продолжать там свое пребывание, то будут пользоваться всей защитой закона, невзирая на революцию во Франции³. Французским кораблям не был запрещен доступ в Россию. Мартовские революции в германских государствах и в Австрии привели к тому, что даже намерение царя порвать с Французской республикой дипломатические отношения осталось неисполненным.

В короткий период между Февральской революцией в Париже и восстаниями 13 и 18 марта в Вене и Берлине австрийское и прусское правительства были всецело поглощены борьбой с надвигающейся волною революции, и царь мог рассчитывать на их поддержку.

В то время как вспыхнула революция во Франции, австрийское правительство было всецело поглощено подавлением революционного движения в Италии. 7 марта Меттерних сообщил в Петербург, что Австрия не вмешается во внутренние дела Франции и намерена только заставить ее соблюдать договоры 1815 года¹. Основу своей политики Меттерних видел в тесном единении с Россией, но надвигавшаяся революция заставила его попробовать оживить пошатнувшийся союз с Пруссией. 20 февраля он запросил прусского министра иностранных дел Каница о том, что не может ли король снова послать в Вену Радовица для обсуждения создавшегося положения². Этот призыв не остался без ответа. Прусский король готов был оказать Австрии дипломатическую поддержку в итальянских делах за согласие Австрии на расширение Таможенного союза и на такую реформу Германского союза, которая увеличила бы в нем престиж и влияние Пруссии. 4 марта Радович прибыл в Вену, а 10 марта подписал с Меттернихом соглашение о предстоящей реформе Союза и о созыве на 25 марта конгресса германских государей в Дрездене для ее проведения. Созывом конгресса прусский король и Меттерних надеялись предотвратить переход вопроса о будущем устройстве Германии из рук государей в руки общегерманского парламента³. В то же время на границе с Францией Пруссия и малые немецкие государства принимали меры военной предосторожности.

Проект Конгресса встретил сочувствие у государей Южной и Западной Германии, которые испытывали отчаянный страх перед республиканским движением в своих владениях и перед воображаемой «угрозой» французского «нашествия». Во время мартовских революций на юге Германии конституционные государи Гессена, Бадена и Вюртемберга видели главную защиту и опору монархического строя в Пруссии и желали вступить с нею в более тесное сближение, чтобы не допустить решения судеб Германии общегерманским парламентом, предстоящий созыв которого обсуждался на совещании общественных деятелей в Гейдельберге.

Герцог Нассауский послал южногерманским дворам и в Берлин своего легационсрата Макса Гагерна с общей просьбой к прусскому королю о защите от республиканцев и французов и о том, чтобы Пруссия стала во главе движения за создание федеративной Германии. По выражению прусского посланника при

¹ Мартенс, т XV СПб 1909, стр 228—229

² Guichen, t I, p 58—60

³ Там же, p 61

¹ Metternich t VII P 1883, p 598—599.

² Там же, p 497, 535

³ Meinecke F Radowitz und die deutsche Révolution B 1913, S 64, Rachfahl F Österreich und Preussen in März 1848 (Hist Vierteljahrsschrift), Leipzig 1903—1904 Bd VI, S 357—377

Франкфуртском Сейме, цель этой миссии заключалась в том, чтобы «передать большие вопросы дня... из рук радикального собрания в Гейдельберге — немецким правительствам»¹. Гагерн не был сторонником абсолютизма, но сам с полной откровенностью объяснял цель своей поездки желанием склонить прусского короля к решению стать во главе Германии, сделать конституционные уступки и превратить Пруссию в оплот конституционно-монархического консервативного строя против республиканцев и рабочих. Все взоры германских государей обратились к Пруссии, в особенности после венской революции 13 марта. 15 марта Гагерн беседовал с прусским посланником во Франкфурте. «Не отрицая большой опасности дальнейшего подъема республиканских элементов, которые уже начали давать себя знать, как и насилия пролетариев», Гагерн выразил надежду «видеть упроченным дело конституционных монархий в Южной Германии, если только Пруссия примкнет к этой системе, и как можно скорее, если нет, то либо образуется южногерманской Зондербунд и вместе с ним будет взорван Германский союз, либо силой прорвутся республиканские тенденции»².

Ожидая от Пруссии защиты от революционных движений и защиты от Франции, правительства Бадена, Вюртемберга, Гессена и северогерманских государей изъявили согласие на участие в конгрессе и на прусский проект реформы Германского союза. Только Бавария упорно противилась этому плану, отстаивая свой партикуляризм.

После событий 13 марта в Вене прусский король решил созвать конгресс немецких государей в Потсдаме и использовать его для утверждения прусской гегемонии в Германии. Но маневры реакционеров и консерваторов были расстроены напором революционных событий. Революция 18 — 19 марта в Берлине опрокинула все надежды Гагерн прибыл в Берлин и был принят прусским королем уже после баррикадных боев. Король решил пообещать конституцию и объявить о своем намерении возглавить консервативно-конституционное движение за федеративную Германию, но престиж его среди малых германских государей пошатнулся. Теперь они изумлялись тому, как монарх, «почти низложенный у себя дома», может предъявлять подобные претензии³. Перед напором революционной волны невозможно было передать в руки государей вопрос о судьбах Германии и помешать созыву общенемецкого парламента. Идею конгресса пришлось отбросить, и она осталась в 1848 году неосуществленной.

Напряженное положение в германских государствах беспокоило Николая I и отразилось на отношениях между Россией, Австрией и Пруссией. Но до 13 — 18 марта Австрия и Пруссия оставались в

его глазах возможными союзниками, а главным очагом опасности он считал Францию. Но надежды царя на крестовый поход государей против Франции не оправдались.

Сознавая недостаточность своих средств, Николай I, по словам Нессельроде, оказался в состоянии «вынужденного бездействия»¹ в отношении Франции. Он боялся двинуть свои войска и в Италию, вдалеке от границ своей крепостнической империи. «Если вспыхнет война между Австрией и Пьемонтом, — писал он еще в феврале 1848 года, — нам нечего там делать, по крайней мере до тех пор, пока революционная Франция не нападет на Австрию, что представляется маловероятным и что привело бы к всеобщей войне. Послать же свои войска в столь отдаленную страну, на это я никогда не пойду»².

Но если Италия и Франция были для царя «отдаленными странами», то совершенно иначе обстояло дело с соседними Австрией и Пруссией. Все усилия дипломатии Николая I были направлены на то, чтобы предупредить революции в германских государствах и создать мощный вооруженный заслон против надвигавшейся из Франции угрозы всеобщего переворота. Царь немедленно после получения известия о февральской революции повелел начать обширные военные приготовления и принялся укреплять свои связи с Берлином и Веной. Меттерних возлагал большие надежды на помощь царя и еще 20 января обратился к Нессельроде с просьбой о займе австрийскому правительству в звонкой монете для борьбы с революционным движением в Италии³.

В случае необходимости для Австрии сосредоточить свои войска против Пьемонта, Николай еще в феврале решил предложить австрийскому правительству выставить у границ Галиции русский корпус, чтобы он мог по первому требованию Венского кабинетаступить в эту провинцию и задушить в ней всякую новую попытку польского восстания⁴. Депешой от 9 марта (26 февраля) эти предложения были сообщены русскому посланнику в Вене Меттерму, но революция 12 марта в Вене разрушила все надежды Николая I на союз с Австрией. 22 марта Нессельроде уведомил австрийское правительство, что события в Вене исключают возможность предоставления ему русского займа⁵.

Николай прилагал все усилия, чтобы побудить Фридриха-Вильгельма IV сосредоточить войска против Франции и оказать твердое сопротивление либеральным требованиям.

7 марта Нессельроде писал Мейендорфу, что «линия поведения должна быть вначале чисто оборонительной и ограничиваться

¹ Nesselrode Ch. Compte-rendu pour l'année 1848. Арх. МИД. К. 1848. л. 5, 234—238.

² Записка Николая I о положении дел в Европе. Красный Архив, 1938, № 4—5 (89—90), стр. 163.

³ Кр. Арх. 1938, № 4—5 (89—90).

⁴ Записка Нессельроде от 3/15 февраля 1848 г. Арх. МИД, 1848 г. № 56. 52—53.

⁵ Кр. Арх. 1938, № 4—5 (89—90), стр. 171—172, 177.

¹ Rachfahl F. Op. cit. (Hist. Vierteljahrchrift) Leipzig, 1903—1904. Bd VI, S. 385.

² Rachfahl F. Op. cit., Bd VI, s. 514.

³ Ciscourt, I, p. 319.

концентрацией мощных военных сил на границах Франции»¹. Царь настаивал, чтобы король не признавал республику во Франции под страхом потерять всякую надежду на помощь России в случае нападения французов². Через три месяца Николай обещал выставить на подмогу Пруссии 350 000 солдат. В письме королю от 7 марта он писал, что французы либо перейдут Рейн, либо будут вооружаться, выжидая пока революция охватит Германию. «Повторяю, я предпочел бы, — добавлял царь, — первый случай, так как надеюсь, что он пробудил бы национальное чувство и соединил бы, наконец, Германию для общей обороны, предоставив вам всем³ возможность усмирить злобный дух юга и, быть может, задумавший его. При втором случае опасность представляется огромной... Надо действовать...»⁴. Но и в Пруссии надежды Николая не сбылись. Восстание в Берлине 18—19 марта и конституционные уступки короля превратили Пруссию, в глазах царя, из возможного союзника в вероятного врага.

Вторая французская республика и Николай I после мартовских революций в Австрии и Пруссии. Польский и шлезвиг-голштинский вопросы и европейские правительства от марта до июля 1848 г.

После революции в Вене и Берлине царь оказался в полной изоляции. Он не понимал половинчатости и ограниченности либеральных уступок, сделанных Фридрихом-Вильгельмом IV, и усматривал в событиях 18—19 марта полное крушение ее прежних устоев. Методы лавирования и компромиссов, которые применяли в борьбе с революцией прусский король или Пальмерстон, были для Николая I совершенно неприемлемы. Напрасно король пытался разъяснить, что он попросту хочет «вырвать из рук наших демагогов опасное и фатальное оружие немецкой национальности»⁵, то есть использовать для борьбы с революцией идею национального государства. Царь видел в поведении Фридриха-Вильгельма IV только трусость и отзывался о нем в таких нелестных выражениях, как «скотина» (*bête*), «трус» (*lâche*), «Пфластер-король» (*Pflaster-König*), или «король улицы», за то, что он пошел на уступки⁶. Николай сожалел, что революция ослабила устои старой абсолютистской Пруссии⁷, и страшился создания единой Германии. Революция подступала к границам России и грозила переброситься в Познань, Галицию и Царство Польское.

¹ Кр. Арх. 1938, № 4—5 (89—90), стр. 169—170.

² Guichen, t I, p. 79, 95

³ Т. е. всем немецким монархам

⁴ Кр. Арх. 1938, № 4—5 (89—90), стр. 169—170

⁵ Мартенс, т VIII, СПб, 1888, стр. 372.

⁶ Guichen, t I, стр. 79, 95

⁷ Записки Николая I о прусских делах. «Русск. ст.» 1870, т. I, стр. 553—563

Нессельроде и царь более всего страшились революционно-демократического движения в Германии, угрожавшего самодержавно-репостническому строю, но боялись и объединения Германии «сверху» вокруг Пруссии. Хранящиеся в архивах годовые отчеты Нессельроде¹ говорят о том, что царю и Нессельроде большой страх внушала пропаганда в немецких газетах и в парламенте в пользу объединения Германии в сильную федеративную и враждебную аризмизму державу, охваченную стремлением к территориальному расширению и способную подорвать царский самодержавно-крепостнический режим в западных губерниях России.

В своем отчете за 1848 год Нессельроде излагает опасения, которые внушала царскому правительству революция в Германии агрессивные замыслы германской буржуазии. Нессельроде и царь были обеспокоены тем, что в противоречии с договорами Восточная Пруссия включена в территорию Германского союза и Шлезвиг находился под угрозой. В Германии, писал Нессельроде, доходят даже до разговоров о включении Курляндии и Лифляндии в немецкое единство, эти притязания сопровождаются воинственными призывами против России: «Правительствам вменяют в преступление дружбу и союз с нами». Царь и Нессельроде были не на лутку встревожены лицемерными писаниями и речами немецких либералов и радикалов о Польше и тем, что польские эмигранты пользуются моментом, стекаются из Парижа в Берлин и в Познань, чтобы «бросить искры восстания в самой Познани, в русской Гольште и в Галиции». Для царя и крепостников-помещиков стоял вопрос уже не о защите союзных с ним правительств Австрии и Пруссии — эти правительства пошатнулись, а о возможности распространения революции на западные окраины Российской империи. Правители реакционной самодержавно-крепостнической России остро сознавали угрозу своему престижу и своей империи со стороны мартовских революций в Вене и Берлине.

Свирепая ненависть царя к революции, его слепое упорство надменная гордыня получили свое выражение в манифесте, опубликованном 26(14) марта, после революций в Вене и Берлине. Манифест был составлен самим царем и статс-секретарем бароном Корфом и гласил, что «безначалие», возникнув во Франции, распространилось затем по Германии и приближается к пределам России. Корф написал манифест напыщенным и крикливым словом, который весьма понравился царю. Манифест объявлял, что царь готов «встретить врагов», где бы они ни «представляли» и будет защищать «неприкосновенность пределов наших» Манифест оканчивался словами: «С нами бог! да разумеете языки и покоряйтесь, яко с нами бог!».

Опубликование этого манифеста было актом угрозы, а его вызывающий язык произвел за границей самое невыгодное впечатление.

¹ Nesselrode, Compte-rendu pour l'année 1848 МИД, К 1848, л. 4—8, 19—222

чтление и вызвал новый прилив всеобщего негодования и ненависти прогрессивных общественных течений в Западной Европе к царской России. Он был истолкован как выражение готовности Николая начать контрреволюционную войну со всей Европой. Нессельроде вынужден был поместить в «Journal de Saint-Petersbourg», как называлась официальная газета министерства иностранных дел, статью, которая разъясняла, что манифест вовсе еще не означает намерения России воевать, что Россия занимает оборонительную позицию и пока не вмешивается во внутренние преобразования в Западной Европе. Но в статье было написано, что, охраняя трактаты 1815 года, Россия «не упустит из виду того распределения границ между государствами, тех взаимных прав владения, кои освящены ее ручательством, и решительно не потерпит, чтобы в случае изменения политического равновесия и иного какого-либо распределения областей подобное изменение обращалось в ущерб Империи. Дотоле она будет соблюдать строгий нейтралитет»¹.

После революции в Вене и Берлине ближайшую опасность царь стал усматривать в возможности развития революционного движения в Германии и Польше. При таких условиях разрыв с Францией, несмотря на провозглашение республики, становился неизбежен.

Киселев понял перемену обстоятельств еще до получения новых инструкций. Вначале он не исполнил приказа об оставлении Парижа вследствие того, что считал отъезд необязательным. Его удерживало в Париже присутствие там некоторого числа русских подданных и пример всех других дипломатов, не собиравшихся покидать французскую столицу, пристально наблюдавших за ходом событий². Узнав о революции в Вене и Берлине, Киселев сообразил, что уезжать ему и не следует. Киселев принял на себя всю ответственность за свое смелое решение, а циркуляр и уговоры Ламартина еще более утвердили его в намерении остаться в Париже и не обострять отношений с Временным правительством. В начале апреля Киселев прочел Ламартину письмо Нессельроде от 15(3) марта, но пропустил то место, которое касалось угрозы царя притти на помощь Австрии и Пруссии против французов. Ламартин был доволен и, благодаря Киселеву, заверял его, что со стороны республики не может быть и речи о какой бы то ни было материальной поддержке поляков против России. Ламартин даже заговорил с Киселевым о франко-русском союзе: «Он сказал мне, — доносил Киселев, — что в его дипломатической карьере ему часто приходилось думать и признавать, что самый естественный союз для Франции был бы союз с Россией, и если бы польский вопрос не овладел легковесными симпатиями в этой стране, давшими

пищу враждебным отношениям обоих правительств, то этот союз осуществился бы в пользу обоих народов, между которыми, может быть, больше естественного сродства, нежели с какой-либо другой нацией. Все тут зависит от времени и благоприятных обстоятельств, и он с великим доверием полагается на мудрость и могущество государя». Прощаясь с русским посланником, Ламартин спросил, останется ли он в Париже? Киселев ответил: «Не знаю». Ламартин заметил: «Чем дольше он останется, тем будет лучше».

В депеше от 18(6) апреля Нессельроде сообщал Киселеву, что царь вполне одобрил его смелый поступок и разрешает ему оставаться в Париже, но «не вступая в официальные сношения с Временным правительством». Нессельроде пояснял и причину такой перемены в намерениях царя: «Вся наша система, — писал он Киселеву, — должна измениться, так как в Германии слагается новая держава, единая, демократическая и честолюбивая, имеющая средства и желание создать нам серьезные затруднения». В перспективе Нессельроде ожидал союза революционной Германии с польским восстанием и писал, что «внешнее давление со стороны Франции могло бы послужить нам противовесом против враждебных намерений наших соседей». Царь не без основания рассчитывал, что буржуазная Французская республика будет так же энергично противиться объединению Германии и замыслам Пруссии, как и крепостнический самодержавный царизм. Хотя союз с Францией и не входил в виды Николая, но Нессельроде в той же депеше от 18(6) апреля писал Киселеву: «Императорское правительство признает благоразумным напрасно не раздражать Францию, ибо, будучи республикою или монархией, революционной или консервативной, Франция всегда останется державой, с которой нужно считаться и которую нельзя исключить из возможных комбинаций, на которых будет покоиться общественное равновесие»¹. С Французской республикой тем легче было сговориться, что она оказывалась совсем не столь революционной, как вначале думал царь и его министры. Для царизма события в Германии были ближе и опаснее, чем в Париже. В своем отчете за 1848 год Нессельроде писал: «Наиболее близкие опасности приходили к нам не от Франции. Наиболее враждебная нашим интересам демократия уже не заседала больше в Париже. Она гнездилась ближе к нам, в Вене, в Берлине, у наших дверей» (в Польше). Предполагая, что в центре Европы место Германского союза, созданного с чисто оборонительными целями, может занять большое государство, Нессельроде писал, что «в этом случае... нам нужен на юге противовес, и этот противовес мог находиться только во Франции. Будь Франция республиканская или монархическая, на силу вещей будет иметь свою роль в европейском равновесии»².

¹ Шильдер, т II, стр 630—631.

² Донесение Киселева от 14/26 марта 1848 г. Арх. МИД, К Paris 1848 № 119, т 137—138

¹ Мартенс XV, СПб, 1909, стр 230—233

² Там же, XV, стр. 233 и др.

После мартовских революций главный очаг революционной опасности передвинулся в глазах царя в Берлин и Вену и в польские области Австрии, Пруссии и России. В особенности тревожили царя проекты объединения Германии, план отделения от Дании Шлезвига и Голштинии и польское движение, центром которого стала весной 1848 г. прусская провинция Познань.

Март — апрель ознаменовались наибольшим подъемом революции 1848 года в Пруссии. Соответственно и внешняя политика Пруссии испытала в эти месяцы наибольшее уклонение в сторону требований либеральной буржуазии. Если армию и чиновничий аппарат король оставлял всецело во власти реакционеров, как резерв для будущей контрреволюции, то министерство иностранных дел с 21 марта было передано в руки заведомого противника абсолютизма барона Генриха Арнима, который занимал этот пост в кабинете Кампгаузена до 20 июля 1848 года¹. После 18 марта барон Арним был нужен как министр, популярный среди либеральной буржуазии. Это был ярый сторонник главенства консервативно-конституционной прусской монархии в Германии, пылавший ненавистью к революционерам-демократам. Политическое сredo Арнима заключалось в том, чтобы идею национального единства Германии использовать для борьбы со всеобщей революцией путем отделения от революционного движения всех сторонников прусского господства над Германией. Насколько консервативны были взгляды Арнима на избирательное право и представительный образ правления, показывает то, что в записке от 17 марта он рекомендовал превратить прусский ландтаг в общегерманский парламент.

Но Арним сходил с либералами во враждебном отношении к реакционной системе договоров 1815 года и был ярым сторонником включения в Германию Шлезвига. Единственным серьезным препятствием на пути присоединения Шлезвига к Германии, ее объединения и территориального расширения Германии под главенством Пруссии, он считал Россию. Видя в ней главного врага, Арним держался «западной» ориентации и надеялся на возможность союза с Французской республикой и на поддержку Англии. Подобно немецким либералам, Арним видел основное средство ослабления России в «восстановлении» Польши в качестве вассала Германии, для начала хотя бы в масштабе Познани. Что же касается Австрийской империи, то Арним ожидал ее скорого распада и советовал не оказывать ей никакой помощи и укреплять военные силы Германии. В записке от 17 марта Арним так изложил свои взгляды: «Воссоздание немецкой военной мощи, открытое провозглашение полного нейтралитета во всех внешнеполитических вопросах, и в том числе в борьбе Австрии против своих от-

павших немецких провинций, наконец восстановление королевства Польского при условии его вечного нейтралитета для успокоения Франции и как барьер (Vormauer) против России»¹.

Арним и даже часть польских эмигрантов рассчитывали посадить на польский престол в Познани прусского принца Вольдемара, хотя он и не высказывал ни малейшей склонности стать польским королем².

Всю эту программу Арним хотел использовать против революции. Он воображал, что сможет своей внешней политикой расколоть революционные силы и сплотить немецкие государства вокруг консервативно-конституционной Пруссии.

Россию Арним считал колоссом на глиняных ногах и не верил в то, что война с нею потребует серьезных усилий. Издержки этой войны он надеялся возложить вовсе не на Германию, а полностью взвалить их на поляков и на Францию. Расчет был прост: в марте и в апреле 1848 года Арним был убежден в том, что польское движение, начавшись в Познани, перебросится в Галицию и, главное, в русскую Польшу и что поляки привлекут на себя главные силы России и при поддержке Франции ослабят сопротивление царя объединению Германии под властью Пруссии³. Поляков Арним попросту хотел обмануть и использовать их в прусских интересах, чтобы поляки помешали России воспрепятствовать включению Шлезвига в Германию, возглавляемую Пруссией. Арним не предполагал объявлять России войну, но не хотел мешать переходу отрядов скопившихся польских эмигрантов через русскую границу целью возбудить восстание в русской Польше.

24 марта Сиркур писал из Берлина: «Здесь не сомневаются, что восстание за восстановление независимой Польши вспыхнет на территории, которая принадлежит Российской империи... и что поляки, рассеянные во Франции, Германии и Бельгии, стекутся для того, чтобы участвовать в этой борьбе. В то время, когда эти события могут произойти, прусское правительство предполагает держать свои войска в казармах, предоставить действовать добровольцам и отбросить силу силою, если бы случился, что русские, преследуя своих врагов, перешли бы с оружием границу, которая определена трактатами для прусской Польши»⁴.

Совершенно очевидно, что при подобных планах Арнима в случае поражения в борьбе с царскими войсками поляки не могли бы рассчитывать на серьезную помощь прусских войск. В бумагах Кампгаузена имеется записка от 28 апреля, видимо принадлежащая барону Арниму и гласящая, что за восстановление Польши «не должно быть пролито ни капли немецкой крови». Неудиви-

¹ Не следует смешивать барона Генриха Арнима с графом Арнимом, который до 29 марта возглавлял прусский кабинет и был сторонником «старопруссских» юнкерских взглядов

¹ Brandenburg E Untersuchungen und Aktenstücke zur Geschichte der Reichsgründung. Leipzig 1916. S. 59—61; Hallgarten, op. cit., S. 36

² CIRCOURT, I, p. 288 289 и др. Hallgarten, op. cit., 41—43

³ CIRCOURT, I, p. 251—252

⁴ Там же

тельно, что многие польские эмигранты не доверяли Арниму и возлагали главные надежды на Францию¹.

Легко заметить слабые стороны политических планов Арнима. Исполнение их зависело от факторов, находившихся вне его контроля и прежде всего оттого, произойдет ли в русской Польше такое восстание, которое сковало бы силы царской России, и отвлекло бы ее силы от вмешательства в вопросе о Шлезвиге. К тому же Арним вовсе не был полновластным вершителем прусской политики. Его влияние было весьма ограничено и наталкивалось на сопротивление короля и армии, которое могла устранить лишь последовательная демократическая революция, а не бессильные советы либерального министра. Король игнорировал Арнима и непосредственно переписывался с царем, сносясь с ним через своего военного представителя и посланника в Петербурге. Армия, король и остальбские юнкеры не хотели разрыва с Россией и были враждебны всяким заигрываниям с польским движением. Арниму король сказал: «Клянусь богом, что я ни теперь, ни в будущем не обнажу меча против России! Я считал бы тогда Германию погибшей»².

Надежды Арнима на использование поляков против России в интересах прусской гегемонии в Германии и включения в нее Шлезвиг не осуществились. Восстание в русской Польше не вспыхнуло и не могло вспыхнуть потому, что польское движение было оторвано от крестьянской массы, а Царство Польское наводнили царские войска. Удовлетворить поляков землями на Востоке без войны с Россией не представлялось никакой возможности, а немецкая буржуазия и юнкерство вовсе не желали поступиться своими интересами в Познани. Не прошло и полутора месяцев, как война не на жизнь, а на смерть действительно зажглась, но не между Германией и царской Россией, а между немцами и поляками на территории Познани.

Королевским указом от 18 марта было предусмотрено включение Познани и Восточной Пруссии в Германский союз для того, чтобы эти провинции могли послать депутатов в общегерманский парламент. С точки зрения внешней политики, этот указ был нарушением договоров 1815 года, оставлявших прусскую Познань за пределами Германского союза, и означал, что в случае вступления в Познань русских войск весь Германский союз должен был объявить России оборонительную войну. Но познанские поляки не желали включения в Германию. 23 марта польская делегация вынудила у короля обещание провести «национальную реорганизацию» Познани и требовала создания в ней самостоятельной польской администрации и армии. Познанский ландтаг отказался

послать из Познани делегатов в общенемецкий парламент. Чтобы выйти из создавшегося положения, прусское правительство задумало разделить Познань на две части — герцогство Гнезенское с польской администрацией, которое оставалось бы вне Германского союза, и «немецкую» часть Познани, под видом которой предполагалось включить в Германский союз львиную долю всей провинции. Разумеется, суверенитет Пруссии предполагалось сохранить над всем протяжением Познани, как части прусского государства.

Тем временем в Берлин и в Познань из Парижа и со всех концов Европы съезжались вооруженные польские эмигранты с целью создания военных отрядов и борьбы за восстановление Польши. Польские аристократы, как, например, одряхлевший «претендент» на польскую корону князь Адам Чарторижский, питали совершенно несбыточные надежды на соглашение западных держав о восстановлении Польши¹, но многие польские демократы из разорившейся шляхты рассчитывали вооруженными действиями против России с территории Познани втянуть Пруссию, а затем и Францию в войну с царизмом и воспользоваться ее результатами: Мерославский и Либельт стали во главе движения и были сторонниками этой тактики, возлагая главные надежды не на польское крестьянство, а на помощь извне со стороны Франции. Но Мерославский не верил в поддержку Пруссии и отказался от перехода русской границы до тех пор, пока не будут собраны значительные польские войска. Тем временем умеренная познанская шляхта предала общенациональное движение и пошла на компромисс с Пруссией из страха перед крестьянством. Лишь часть польских отрядов не разоружилась и готовилась к борьбе с Пруссией, не доверяя лживым обещаниям ее правительства. Острые восстания, вначале направленное против России, повернулось против Пруссии.

Поворот познанского движения против Пруссии с необычайной быстротой и резкостью изменил отношение к полякам со стороны той части немецкой либеральной и радикальной печати, которая ранее лицемерно заигрывала с поляками. Лицемерные изъявления симпатии к полякам сменились потоком ненависти и вражды, особенно острой в сопредельных с Познанью прусских провинциях. Предпарламент не высказался за оставление Познани за пределами будущей единой Германии и оставил этот вопрос открытым. Прусское правительство ограничило въезд в Познань польских эмигрантов только местными уроженцами. Особенно яростную травлю поляков вели познанские немцы, опасавшиеся потерять свое влияние в случае «национальной реорганизации» этой провинции. Король и генералы опасались разрыва с Россией. Сиркур 1 мая писал: «Самая решительная ненависть увлекла теперь все классы, и крестовый поход против поляков проповедывается во

¹ Circourt, I, p. 307—308, 113. примеч. 3.

² Hallgarten. op. cit., S. 42.

всех клубов. Отряды добровольцев, вооруженные и организованные для армии Шлезвига, желают отправиться теперь в Познань на помощь немцам»¹. Лишь левые радикалы и революционные демократы смело высказывались за оставление Познани вне Германии и войну с Россией. Тем временем военное министерство концентрировало в Познани войска, чтобы подавить движение, и к 5 апреля довело их до 35 000². Либерально настроенный генерал Виллизен, прибывший в Познань для выработки компромисса с поляками, был оттуда отозван, и в начале мая туда в качестве королевского комиссара приехал враждебный полякам генерал Пфюль. Военное командование находилось в руках крайних реакционеров, и когда между вооруженными поляками и прусскими отрядами начались стычки и поднялось восстание, оно было беспощадно разбито, а главарь его был схвачен. Последние силы поляков капитулировали 9 мая 1848 года³.

Кровавое подавление познанского восстания имело крупное международное значение. Немецкие «либеральные купцы министры»⁴ оказали эту услугу реакции. Либеральная буржуазия предала поляков. Кровавая расправа с поляками была выигрышем прусской реакции, царской России и Австрийской империи, заинтересованных в том, чтобы не допустить восстановления Польши и союза немецкой буржуазии с Венгрией и Францией. Барон Арним и после событий в Познани остался на посту министра иностранных дел, что свидетельствует о лицемерности его польских «симпатий» и о его враждебности к революционно-демократической политике.

Отношение западных держав к возможности войны с Россией за восстановление Польши было неблагоприятным. Английское правительство не желало коренной ломки «системы 1815 года». 6 апреля Пальмерстон писал английскому посланнику в Берлине, Уэстморленду: «Я в особенности поручаю вашему превосходительству воздержаться от всякого поведения, которое могло бы рассматриваться Россией как агрессивное, и избегать, поскольку это возможно, всяких мер, которые могли бы в качестве последствий повлечь нападение на русскую территорию»⁵. Опасаясь вспышки восстания в русской Польше, Пальмерстон через посланника в Петербурге Блумфильда советовал царю дать полякам самоуправление, что «могло бы отвлечь опасность конфликта, результаты которого в любом случае и чем бы они ни кончились были бы плачевны»⁶. Но о вовлечении Англии в столкновение с Россией нечего

было и думать. В мае 1848 года лорд Россель сказал, что «теперь совершенно нечего делать ни в Польше, ни для Польши»¹.

Не лучше обстояло дело с позицией Франции. В марте—апреле 1848 года барон Арним смог убедить в невозможности втянуть французскую буржуазную республику в столкновение с Россией и получить поддержку Франции в вопросе о Шлезвиге. 31 марта, в момент крайнего обострения отношений Пруссии с Россией, Арним запросил Сиркура о том, что сделает Франция, если польские отряды, собиравшиеся в Познани, перейдут русскую границу, а русская армия, отражая и преследуя их, займет герцогство Познанское. Арним желал, чтобы французское правительство торжественно объявило о союзе с Пруссией². Тут же Арним пояснил, что ожидает от Франции двух кораблей с десантом в Балтийском море для диверсии против России³. Арним надеялся, что декларация Франции о союзе с Пруссией удержит Россию от вторжения в Познань, а французский флот поможет включить в Германию Шлезвиг⁴.

Недоверие к Франции и непопулярность союза с нею среди широких кругов буржуазии и юнкерства, а также страх перед французским республиканизмом были так велики в Германии, что о пропуске французской армии по сухому пути через Германию к границам России не могло быть и речи. 4 апреля Сиркуру было послано извещение из Парижа о том, что Временное правительство не желает никаких формальных союзов и не намерено обещать Пруссии поддержку в вопросе о Шлезвиге и Голштинии. «Было бы неразумно строить на зыбучем песке»,—гласил полученный ответ. Только в конфиденциальном разговоре и ничем себя не связывая, Сиркуру разрешено было сказать, что «если Россия нападет на Пруссию и займет ее территорию, захватит Познань, то Франция поддержит Пруссию вооруженной рукой»⁵.

8 апреля Арним возобновил разговор с Сиркуром о союзе с Францией и заявил, что через месяц Пруссия будет иметь под своим 450 000 человек⁶, но из Парижа снова последовал отказ от каких бы то ни было обязательств, и на этот раз даже без конфиденциальных упоминаний о возможности поддержки со стороны Франции⁷. Временное правительство желало во что бы то ни стало избежать войны. Оно враждебно относилось к попыткам Пруссии возглавить объединение Германии и включить в Германию Шлезвиг.

Эфемерные проекты Арнима относительно союза с Францией уже в апреле—мае 1848 года сменились совершенно противоположными настроениями под влиянием той вражды к польскому движению,

¹ CIRCOURT, I, p. 30, 108, 502; Hallgarten, p. 64—65, 79—80.

² Hallgarten, s. 51.

³ Kunz. Die Kriegerischen Ereignisse im Grossherzogtum Posen im April und Mai 1848. Berlin 1899.

⁴ Карл Маркс. Избр. произв., т. II, стр. 71, изд. 1933 г.

⁵ Guichen, t. I, p. 84.

⁶ Temperley and Penson. Foundations. p. 160—161. Bell vol. I. p. 438—439.

¹ CIRCOURT, t. II, p. 155.

² CIRCOURT, t. I, p. 327—328.

³ Там же, t. II, p. 504.

⁴ Там же, t. I, p. 329—330.

⁵ Там же, t. I, p. 407—408.

⁶ Там же, t. I, p. 428—429.

⁷ Смена этих настроений описана Сиркуром и у Hallgarten's.

которая охватила в это время германскую печать и не затронула только немногих революционеров-демократов южной и западной Германии. Деятельность иностранных легионов во Франции и слухи о возможности вторжения французов в прирейнские области Германии были широко использованы германской реакцией для возбуждения недоверия и вражды к политике Французской республики¹. Прусское юнкерство и буржуазия в мае 1848 года уже не только не помышляли о сближении с Францией, но стали бояться возможности выступления Франции в защиту поляков, которого требовали парижские революционно-демократические клубы и газеты².

Под напором революционеров-демократов и социалистов Ламартин 7 мая поручил Сиркуру добиваться отмены ограничений на въезд польских эмигрантов в Познань, но когда Сиркур получил эту депешу, познанское восстание было уже раздавлено³. Отношение немецкой буржуазии к полякам стало настолько враждебным, что, по мнению Сиркура, любое вооруженное выступление Франции в их защиту означало бы войну с Германией, с Россией и, может быть, даже с Испанией, с которой прусское правительство готово было вступить в переговоры⁴. По словам Сиркура, Германия «никогда не согласится передать польской республике ее территорию 1770 года или предоставить проход французской армии, направляемой против России». Сиркур доносил, что, кроме левых революционеров-демократов, «вся немецкая нация» враждебна Франции и к полякам, и что даже если Пруссия станет республикой, то война с нею будет неизбежна, если только Франция попытается восстановить Польшу, а всеобщая война из-за Польши приведет к истреблению польского дворянства крестьянами и объединит Германию. В этой войне, писал он, «Германия может себя спасти только реорганизацией, но реорганизовать себя она может только путем войны. Дадим ли мы ей эту войну? Вот к чему она приведет: мы потопим в море крови сначала наше богатство, а затем, по всей вероятности, и нашу свободу⁵, чтобы воссоздать на двух берегах Рейна самую грозную в Европе военную державу. Мы объявим войну ради Познани и купим мир, уступив Страсбург»⁶. Сиркур утверждал, что Россия поможет Пруссии и что хотя конституционное министерство против этого союза, но отношения Пруссии с Россией улучшаются, и если Франция атакует Пруссию, то союз с Россией не будет отвергнут. «Что же касается немцев, то если что-нибудь могло бы сделать подлинно национальной их борьбу с Францией, так это

мнение, что Франция солидарна с Польшей». Познанский плацдарм, писал Сиркур, поляки уже потеряли, и прусская Польша не отвлечет от Франции значительное количество прусских войск. Ненависть немцев к полякам позволит предоставить подавление последних национальной гвардии¹.

Донесения Сиркура ярко рисуют страх буржуазных реакционеров во Франции перед последствиями войны с Германией и Россией и показывают, как противоречия интересов немецкой и французской буржуазии мешали разрешению задачи объединения Германии. К тому же французское Учредительное собрание главную свою задачу видело в борьбе против собственного рабочего класса и во что бы то ни стало желало мира с реакционными правительствами Европы. Подавляющее большинство членов Собрания, открывшегося 4 мая, враждебно относилось к идее войны из-за Польши. Когда 11 мая Исполнительная комиссия заменила Временное правительство, министром иностранных дел был назначен Бастид, но эта перемена означала лишь укрепление курса на внешний мир и на подавление рабочего движения внутри страны. Лишь французские революционеры-демократы и социалисты видели в войне из-за Польши главное средство добиться осуществления своих революционных требований. Уже после разгрома поляков в Познани они подняли восстание 15 мая с целью вызвать войну за восстановление Польши, но оно было подавлено, и реакция одержала победу.

Для успокоения общественного мнения посланником в Берлин был назначен республиканец Эмманюэль Араго, наивно веривший в возможность сближения Французской республики с единой буржуазной Германией, но политическая линия французского правительства нисколько не изменилась. Фактически Араго заменил Сиркура только 5 июня и не пользовался никаким влиянием на свое правительство. После горячих дебатов Учредительное собрание предоставило поляков их собственной участи и с 23 мая ими более не занималось. Французское правительство добилося лишь смягчения участи арестованных и взятых в плен пруссаками польских эмигрантов².

Пропаганда в парижских клубах и дебаты в Учредительном собрании по поводу поляков вызвали в германских государствах новый приступ вражды к Франции и военную тревогу. Прусский король считал, что «национальная реорганизация» Познани в таких условиях создает угрозу для Пруссии с тыла, и всячески затягивал ее осуществление³. Подавление восстания 15 мая и провал сторонников войны в Учредительном собрании вызвал бурю возмущения в германской печати, за исключением левых революционно-демократических газет и прежде всего «Новой Рейнской газеты», которая призывала к войне с Россией как главным опло-

¹ Cirsourt. t. I, p. 417.

² Cirsourt. t. I, p. 419.

³ Там же, t. II, p. 159—161, 212.

⁴ Там же, t. II, p. 222—223.

⁵ Повидимому, Сиркур намекает на возможность установления во Франции диктатуры генерала.

⁶ Cirsourt, t. II, p. 202—207.

¹ Cirsourt, t. II, p. 222—227. Депеша от 17 мая и p. 206—207.

² Cirsourt. t. II, p. 145—155, 190, 250—251; 283—284.

³ Hallgarten, 72.

том феодално-абсолютистской реакции в Европе. В Магдебурге был выпущен благодарственный адрес Ламартину за его выступление против войны ради защиты поляков. Барон Арним, еще недавно слывший «другом поляков», от имени короля и от себя благодарил Ламартина за его умеренность в польском вопросе»¹.

После мая вопрос о поляках уже не вызывал в 1848 году крупных международных осложнений. Польское движение не оправдало надежд, которые возлагали на него революционеры-демократы весной 1848 года, и не привело ко всеобщей революционной войне западноевропейской буржуазии с царской Россией. Одной из причин этого была слабость самого польского движения, большинство участников которого не желало аграрной революции и уничтожения помещичьего землевладения и не могло повести за собой крестьянство. Польское движение 1848 года потерпело неудачу еще и потому, что оно не получило никакой реальной поддержки от западноевропейской буржуазии и было беспощадно раздавлено прусской и австрийской реакцией, даже не достигнув пределов русской Польши, занятой огромной царской армией. Отсюда то разочарование в польском и немецком движении 1848 года, которое испытывали впоследствии Маркс и Энгельс.

Весной и летом 1848 года Маркс и Энгельс в «Новой Рейнской газете» призывали к прогрессивной и революционной войне с царской Россией, как главным оплотом европейской реакции, с тем чтобы вести эту войну на основе последовательного революционно-демократического объединения Германии, уничтожения немецкого гнета над славянами, венграми и итальянцами². В войне с царской Россией Маркс и Энгельс видели наилучшее средство нанести удар общеевропейской и германской реакции. Они выдвигали идею восстановления Польши в границах 1772 года, но «под условием аграрной революции»³. Все это показывает нам полную противоположность революционной внешнеполитической позиции Маркса и Энгельса и реакционной политики немецких «либералов», подобных Арниму и Кампгаузену.

Новый повод ко всеобщей войне легко мог дать вопрос с Шлезвиге и Голштинии. Эти два герцогства входили в состав Датского королевства на правах личной унии; они сохраняли свой порядок престолонаследия только по мужской линии и свою особую конституцию. Голштиния входила в состав Германского союза, но Шлезвиг, в южной своей части населенный немцами, а в северной — датчанами, находился за его пределами. Важное стратегическое положение обоих герцогств на южном побережье Балтийского и Северного морей и первоклассная Кильская гавань задолго до 1848 года привлекали внимание немецкой буржуазии,

которая считала включение Шлезвига в Германию первоочередной задачей национального объединения и территориального расширения страны. Агитация в немецкой печати по поводу Шлезвига особенно усилилась после того, как датский король Христиан VIII объявил о своем намерении ввести в герцогства конституцию и порядок престолонаследия по мужской и по женской линии, так же как и в Дании, и вступил в конфликт с сеймом Германского союза. В новую стадию этот вопрос вступил после 18 марта.

Прусские либералы решили немедленно воспользоваться мартовской революцией в Берлине, чтобы предъявить Дании требования о включении Шлезвига в Германский союз. Увидев из окна, как прусский король со свитой и в черно-красно-зеленых лентах объезжал свою столицу, датский посланник сразу понял, что это значит, и воскликнул: «О, небо! Эти люди хотят объявить Дании войну»⁴.

В Киле 23 марта против датского правительства вспыхнуло восстание, предводители которого немедленно обратились в Берлин за помощью. Со своей стороны, прусское министерство торопилось приобрести популярность и 24 марта приняло решение о занятии герцогств⁵. Войскам был немедленно отдан приказ о выступлении для защиты немецкой национальности, и по приглашению Пруссии то же сделали правительства Ганновера, Брауншвейга, Ольденбурга и Мекленбурга. 6 апреля без объявления Дании войны прусские войска вступили в герцогство. Немецкая буржуазия была охвачена неопишимым энтузиазмом. Повсюду создавались добровольческие отряды из молодежи для похода на Данию.

В 1848 году, если не вообще в истории, датская война была единственным случаем, когда немецкие войска не душили, а поддерживали революцию и повстанческое временное правительство. Э. Энгельс писал, что «война с Данией, это — первая революционная война, которую ведет Германия»⁶. Но на деле прусское правительство вовсе не собиралось вести войну по-революционному. Барон Арним видел в этой войне «дар неба» именно потому, что посредством нее он надеялся отвлечь наиболее революционные круги от внутренней политики и задержать развитие революции. Того же мнения держались король и прусские генералы, — они надеялись этой войной приобрести репутацию борцов за национальное дело и лишить революционеров возможности использовать шлезвиг-голштинский вопрос для «возбуждения умов»⁷. Маркс писал, что датская война должна была «послужить громом отводом для чрезмерного патриотизма немецкой молодежи» и «реабилитировать прусскую военщину»⁸.

¹ Cirsourt, t. II, p. 259—261, 304.

² К. Маркс. Соч., т. VI. Пражское восстание. 1930 г., стр. 185.

³ Письмо Ф. Энгельса К. Марксу от 23 мая 1851 г. Соч., т. XXI. 1929, стр. 211.

⁴ Cirsourt, t. I, p. 205.

⁵ Hallgarten, S. 51.

⁶ Ф. Энгельс. Соч., т. VI, 1930, стр. 427.

⁷ Cirsourt, t. I, p. 274—275; Hallgarten, S. 51.

⁸ К. Маркс. Соч., т. VII, 1930, стр. 50.

12 апреля Франкфуртский сейм обратился к Пруссии с предложением любыми средствами добиться уступок от Дании. Прусское правительство предъявило Дании ультиматум с требованием согласия на включение Шлезвига в Германский союз, организации в герцогствах вооруженных сил, находящихся в распоряжении Союзного сейма, и снижения пошлин в Зунде и Бельтах для немецкой торговли. Только 25 апреля Дания объявила Пруссии войну.

Во время датской войны для Пруссии особенное значение приобрела позиция других держав. Выше, в связи с польским вопросом, было уже отмечено, что барон Арним пытался добиться от Французской республики заверения в том, что с ее стороны не последует нападения на прирейнские немецкие области и не будет противодействия политике Пруссии в Шлезвиге и Голштинии. Но «западная ориентация» барона Арнима потерпела полный провал: Временное правительство сообщило, что оно «не будет связывать себя ничем в отношении герцогств»¹ и с явным беспокойством следило за попытками Пруссии возглавить дело немецкого единства.

Правительство Дании сначала старалось скомпрометировать поднявшееся в Шлезвиге движение в глазах немецких либералов. Датский либеральный деятель Орла Легманн (Orla Lehmann) отправился в Берлин и доказывал журналистам, что датская конституция гораздо либеральнее тех порядков, которые хотело установить в герцогствах новое Временное правительство, и что германским демократам не к лицу поддерживать там «аристократическую» и «полуфеодальную» оппозицию. В действительности Временное правительство в герцогствах выдвинуло буржуазные политические требования, хотя и не столь либеральные, как датская конституция, но более смелые, чем то было в других немецких государствах.

После занятия герцогств пруссаками датское правительство обратилось за посредничеством и помощью к Англии, Швеции и России. Пальмерстон протестовал против оккупации герцогств и принял на себя посредничество с целью мирного разрешения спора в пользу Дании. Английское правительство и буржуазия не желали расчленения Датской монархии и коренной перемены положения на Северном и Балтийском морях в пользу Пруссии или будущей единой Германии². Еще враждебнее было поведение Швеции. Когда прусские войска уже вторглись в Ютландию, шведское правительство 18 мая объявило об отправке вооруженного корпуса на датские острова с целью их обороны и чтобы собственноручно датские войска могли в большем числе высадиться на материке для отпора пруссакам³. Но главную преграду для Пруссии создавала все нараставшая угроза царской интервенции.

¹ Circourt, t. I, p. 281—282.

² Guichen, t. I, p. 82—83.

³ Circourt, t. II, p. 179—180.

Вопреки мартовским надеждам прусских либералов, в русской Польше не смогло вспыхнуть массовое восстание, и руки царя были свободны для того, чтобы помешать и территориальному расширению Германии.

После мартовских революций польский и шлезвиг-голлштинский вопросы занимали главное место в отношениях царя с Австрией и Пруссией. Не только в Познани, но и в Галиции Николай I усматривал опасный очаг польского движения, которое могло перебраться оттуда в его владения. 8 апреля Нессельроде лихорадочно писал новому австрийскому министру иностранных дел Фикельмону: «Ради бога, не теряйте из виду Галицию. Она скоро будет охвачена пожаром, если это уже не произошло сейчас»¹.

Русскому посланнику в Вене Медему было предписано предупредить австрийское правительство, что царь не допустит революционного движения в Галиции². Совершенно открыто и без всяких дипломатических условностей Николай писал о своих намерениях князю Паскевичу: «Однако быть может, что при новом австрийском правлении они дадут волю революции, за поют что-либо против нас в Галиции, в таком случае, не дав сему развиваться, но именем самого императора Фердинанда займу Край и задущу замыслы»³.

Австрийская либеральная буржуазия и мелкая буржуазия враждебно относились к царской России, и венская революционная молодежь устроила кошачий концерт под окнами русского посольства⁴, но трусливое и крайне умеренное министерство в конце марта направило в Петербург графа Туна—заверить царя в том, что Австрия верна России и объяснить вынужденный характер тех уступок, которые были вырваны революцией у австрийского императора⁵. Николай еще раз передал через Туна, что не допустит вновь создания свободного государства из Кракова. «Если помышляют о подобной перемене или если революция вспыхнет в Галиции и там не поступят с должной энергией,—сказал царь,—я не поколеблюсь одного мгновения перейти австрийскую границу и восстановить порядок именем императора Фердинанда». Тун убедился, что царь желал сохранения целостности Австрийской империи и что Петербургский кабинет «рассматривает Австрию как якорь спасения Германии и всей Европы от революции»⁶.

За вопросом о Галиции стоял общий вопрос об угрозе для самодержавно-крепостнического строя России со стороны западноевропейских революций. «То, чего я желал бы от всего сердца,—

¹ Кр. Арх. 1938, № 4—5 (89—90), стр. 179.

² Там же, стр. 180—181.

³ Кн. Щербатов. Ген.-фельдм. кн. Паскевич. Т. VI. СПб. 1899, стр. 200.

⁴ Кр. Арх. 1938, № 4—5 (89—90), стр. 182.

⁵ Там же, стр. 174—176.

⁶ Донесение Туна. Guichen, t. I, p. 78—79.

сказал Туну Николай I, — это иметь возможность возвести настоящую китайскую стену против остальной Европы и совершенно порвать всякие сношения с ней; также я не позволил бы больше приходить к нам ни одному иностранцу, и со стороны суши я достаточно спокоен. К несчастью, мы имеем здесь морскую гавань, вход в которую почти невозможно держать под наблюдением¹. Чем далее развивалось в Австрийской империи национальное движение мадьяр и славян, тем более Николай страшился возможности ее распада и обдумывал предстоящий образ действий. В этом случае, — писал он, — «я непременно вступлю в Галицию и присоединю к России древнее сие достояние»². Но Чехию и другие славянские земли Николай считал опасным и ненужным присоединять к России. Царь и Нессельроде отлично видели, что чешское движение было направлено «столь же против царизма, как и против немцев». Нессельроде находил, что после распада Австрийской империи следует сгруппировать австрийских славян под русским влиянием и противопоставить их Германии и Венгрии, но успокаивал царя уверениями в том, что Австрия еще далека от подобного крушения³.

Еще тревожнее были весной 1848 года отношения с Пруссией. В конце марта посланный в Берлин Мейендорф доносил, что война с Россией может вспыхнуть силою вещей, вследствие переходов через границу скопившихся в Познани польских эмигрантов. Но двинуть русские войска в Познань Мейендорф считал невозможным и писал, что «всякая военная демонстрация с нашей стороны была бы в настоящее время опасна и привела бы к республике. Необходимо объявить, что мы не намерены атаковать и что только желаем обороняться»⁴. 1 апреля Мейендорф вновь сообщал, что хотя намерения прусского правительства и не враждебны, но прусские войска сосредоточиваются в Познани, и это требует серьезного внимания, так как в случае провозглашения в Пруссии республики, впрочем, мало вероятном, начнется война с Россией⁵.

Мейендорф был одним из преданнейших слуг самодержавия. Родом из Эстляндии, он принадлежал к тому прибалтийскому дворянству, которое, наряду со всякими иностранными выходцами, заполняло при Николае I видные посты на царской дипломатической службе и вместе с русскими помещиками сохраняло устойчивую самодержавно-крепостническую систему. Особо реакционный уклад социальных отношений в прибалтийских губерниях превращал их немецкое дворянство в один из оплотов крайней реакции. Мейендорф был, таким образом, типичной фигурой среди царских дипло-

матов и такую же, как и все они, пешкой в руках царя. Этот яркий реакционер зорко следил за событиями в Пруссии и особенно возненавидел главного врага России в кабинете Кампгаузена — барона Арнима. Мейендорф не щадил бранных слов, называл Арнима в своих письмах то «злым дураком», то «сумасшедшим» (verrückten) министром и «чем-то средним между диким кабаном и Тартюфом»¹.

Мейендорф считал, что Арним желал толкнуть поляков на действия против России и требовал, чтобы прусское правительство не делало никаких уступок польскому движению в Познани. «Если у вас, — заявил Мейендорф Арниму, — нет силы препятствовать тому, чтобы там утвердился очаг революции, вы можете это сказать, и тогда мы увидим, что нам делать. Но если вы берете его под ваше покровительство, вы делаете предмет обсуждения и может быть война между Россией и Пруссией». На этой депеше Мейендорфа 2 (14) апреля царь надписал: «Отлично сказано»². Мейендорф, как и царь, крайне преувеличивал значение призрачных уступок, которые прусское правительство обещало дать познанским полякам, и принимал всерьез лживые изъяснения «симпатий» к полякам со стороны немецких «либералов». Однажды в резком объяснении Мейендорф едва сдержал себя, чтобы не ударить прусского министра, и грозил ему войной в случае дальнейших уступок познанским полякам, хотя на деле ни Мейендорф, ни царь не считали для России возможным первыми начать войну из-за событий в Познани³.

Николай находил маловероятным объявление войны со стороны прусского короля, занятого внутренними делами. «При этом положении, — писал царь, — чтобы он соединил свои силы против нас, нет ни вероятия, ни даже возможности. Итак, мы должны оставаться в оборонительном, почти кордонном расположении, обращая самое бдительное внимание на собственный край, дабы се попытки дома укрощать в самом начале. Для этого необходимо, чтоб Литва и Самогития были сильно заняты»⁴. В случае наступательных действий со стороны Пруссии, «если она прибегнет к Германии и сделает общую войну», царь собирался ответить «немедленным занятием Восточной Пруссии по Вислу». Если же в Берлине произойдет контрреволюционный переворот, добавляет он, то «мы ему не иначе должны способствовать, как только служа опорой или резервом, но предоставив им самим действовать, не вмешиваясь во внутренние дела»⁵. Видимо, Николай

¹ Guichen, t. I, p. 80.

² Кн. Щербатов. Ген.-фельдм. кн. Паскевич, т. VI, СПб, 1899, стр. 227.

³ Кр. Арх., 1938, № 4—5 (89—90), стр. 190—192.

⁴ Мартенс, VIII, СПб. 1888, стр. 371.

⁵ Meyendorff, P. Politischer und privater Briefwechsel, 1826—1863. Bd. II, Berlin und Leipzig. 1923, S. 60.

¹ Andreas, W. Die russische Diplomatie und die Politik Friedrich-Wilhelms IV von Preussen. Berlin, 1927, S. 37.

² Мартенс. Т. 8, СПб, 1898, стр. 371.

³ Meyendorff, P. (von). Bd. II, S. 74; Мартенс, т. VIII, стр. 371, Консенс., от 14 апреля.

⁴ Царь — Паскевичу 16/28 марта 1848 г; Щербатов, т. VI, стр. 206.

⁵ Там же, стр. 231—233.

понимал, что появление русских войск в Германии могло бы вызвать лишь новый революционный подъем и затруднило бы положение реакции.

К концу апреля стало очевидно, что лицемерная «дружба» немецких либералов с поляками окончилась, и Мейендорф доносил, что воинственный подъем в Пруссии ослабевает. Нессельроде надеялся, что рано или поздно между поляками и Пруссией вспыхнет конфликт и уничтожит опасность войны из-за польского вопроса. Записка, составленная им в апреле для императрицы, показывает, что петербургская дипломатия строила свои расчеты на общности интересов правящих классов Пруссии и царизма в порабощении и разделах Польши и на уверенности в том, что Пруссия никогда не согласится на предоставление полякам западных границ 1770 года. Притязания же поляков на границы до Днепра царское правительство предполагало использовать против самих же поляков и было уверено, что подобное требование заставит «каждого русского» сражаться «до последней капли крови»¹. Кровавое подавление познанского восстания пруссаками возбудило у царя живейшую радость.

Не меньшую тревогу, чем польские дела, вызывали события в Шлезвиге и Голштинии. Мейендорфу было предписано заявить протест против занятия герцогств пруссаками и пригрозить разрывом. 23 апреля датчане были разбиты, и датский король обратился к царю за помощью².

Когда пруссаки вторглись в Ютландию, царь потребовал вывода из нее прусских войск и двинул в Литву еще одну кавалерийскую дивизию. «Сие необходимо, — пояснял он Паскевичу, — дабы в случае войны мы могли наводнить Пруссию кавалерией, дабы не дать им очнуться и собраться»³. В первой половине мая, в случае отказа Пруссии отвести войска из Ютландии, царь намеревался собрать на прусской границе свыше 250 тысяч войска, занять линию Вислы и удерживать ее, пока датский король не получит назад свои владения. Русский флот должен был присоединиться к датскому. Вопрос о том, будет ли Восточная Пруссия очищена от русских войск в случае закрепления в Пруссии конституционного строя, в записке царя оставлен открытым⁴.

Прусское правительство слишком боялось революционных последствий войны с Россией и дало царю обещание очистить Ютландию. Реакция в Пруссии явно торжествовала: подавление поз-

нанского восстания и согласие на отвод войск из Ютландии ослабили военную тревогу и привели к улучшению отношений Пруссии с Россией. К лету 1848 года король послал к царю генерала Пфуля с успокоительными заверениями. Царь все еще не доверял Пруссии, он требовал повешения Мерославского и держал в пограничных губерниях 420 тысяч солдат и 100 тысяч резерва. «Я никогда никого не задену, — грозил царь королю, — но беда тому, кто нас заденет. Амины!»¹. Но, несмотря на эти угрозы, положение уже резко изменилось. В начале июня, покидая Берлин, Сиркур отмечал, что между «конституционным министерством прусского короля и царским посланником установились самые сердечные отношения».

Новое обострение этих отношений наступило несколько позднее в связи со шлезвиг-голштинским вопросом и попытками Пруссии установить свою гегемонию в Германии, но польские дела более не служили предметом разногласий между Пруссией и Россией.

Летом 1848 года в международных отношениях Европы наступил новый этап, который ознаменовался переходом контрреволюции в наступление. Неудача и разгром июньского восстания в Париже, подавление Пражского восстания и восстания в Вене оказали огромное влияние на дипломатию европейских правительств во второй половине 1848 года. Революционная волна поднялась еще раз в 1849 году, но освещение этих событий не входит в рамки настоящей статьи.

В заключение мы еще раз отметим, что во время февральской и мартовской революций 1848 г. буржуазная французская республика и буржуазно-аристократическая Англия не оказали никакой поддержки польскому движению. Мало того, они оказались заодно с политикой Николая I и в своем враждебном отношении и к революции в Германии, и к юнкерско-буржуазному пути объединения ее вокруг Пруссии, хотя этот последний путь и не был такой угрозой для правящих классов соседних стран, как революционное решение этого вопроса «снизу». Сопrotивление царизма этому объединению общеизвестно и давно установлено в исторической науке. Напротив, враждебная германской революции позиция Англии и Франции была выяснена лишь документальными публикациями и трудами историков, вышедшими в свет в последние десятилетия. Привлечь внимание к этому вопросу тем более важно, что царизм как препятствие на пути создания единой демократической Германии давно перестал существовать, а реакционная буржуазия Англии и Франции находится у власти и под руководством американского империализма донныне препятствует демократическому и прогрессивному решению вопроса о немецком единстве. Впрочем, как уже было выше отмечено, главные причины неудачи попыток создать единую демократическую Германию в 1848 г. заключались не во внешнем давлении со стороны

¹ Арх. МИД, канц. 55 1848, д. 81—82.

² Записка Нессельроде от 25 апреля 1848 г. Арх. МИД, канц. 56, л. 75—92.

³ Щербатов, т. VI, стр. 219.

⁴ Записка Николая I. Савин А. Н. Николай I и Фридрих-Вильгельм IV. 1840—1848 в сб. «Россия и Запад». П. 1923, стр. 133—134.

Николая I, Франции и Англии, а в слабости и половинчатости революции в самой Германии — в том, что германская буржуазия была неспособна к революционной войне наподобие той, которую в 1793 году вели якобинцы, и из страха перед рабочим классом и революционно-демократическим движением пошла на сделку с прусским юнкерством и политикой Гогенцоллернов.

Р. А. АВЕРБУХ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ВЕНЕ В АВГУСТЕ 1848 ГОДА

I

«Доктор Маркс, редактор «Новой Рейнской газеты», приветствовал рабочий союз Вены так же, как он это делал в Париже, в Лондоне и Брюсселе», — так гласит протокол одного из заседаний Союза Вены в августе 1848 года. Интересно это сопоставление Вены с крупными центрами революционного движения — Парижем, Лондоном, Брюсселем. К осени 1848 года Вена действительно становилась одним из таких крупных центров революционной борьбы.

Вслед за победой демократических сил в мае 1848 года, отбивших натиск реакции на революционные организации — академический легион, центральный комитет национальной гвардии и рабочие в августе выступили и дали бой реакции.

Изучение рабочего движения Вены в августе 1848 года представляет большой интерес, ибо это движение предопределило в дальнейшем судьбу октябрьского вооруженного восстания 1848 года в Вене.

Накануне революции 1848 года Вена представляла собой крупный промышленный центр, сочетавший в себе самые различные формы производства. Далеко не изжиты еще были феодально-цеховые отношения, а в некоторых отраслях производства цехи играли преобладающую роль. В промышленности значительное место занимала капиталистическая мануфактура. Что же касается крупной промышленности, то она только зарождалась¹. Вена отражала в себе весь тот процесс борьбы и победы мануфактуры над феодально-цеховыми отношениями и крупной промышленностью над мануфактурой, характерный для всей Австрии. По характеристике Энгельса, «введение пара и машин перевернуло в Австрии, как и везде, старые отношения в промышленности и условия существования целых классов общества; оно превратило крепостных в свободных людей, мелких крестьян — в фабричных; оно подкопало старые феодальные ремесленные корпорации и лишило многие из них средств существования. Новое торгово-промышленное население всюду приходило в столкновение со старыми феодальными

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. I. (6), стр. 283.